

Бекка Фитцпатрик

Крещендо

БЕСТСЕЛЛЕР THE NEW YORK TIMES

Annotation

Теперь у нее есть свой ангел-хранитель – таинственный, притягательный и невероятно красивый. Однако, кажется, только необходимость защищать удерживает его рядом с Норой – большую часть времени Патч старается проводить с ее соперницей и злейшим врагом Марси Миллар.

Чувствуя себя покинутой, Нора находит утешение в своем друге детства. Но что скрывает и от кого скрывается ее друг Скотт? И нужно ли ей это знать?

*Дженн Мартин и Ребекке Саттон
за вашу сверхчеловеческую дружбу!
Так же благодарю Ти Джея Фритшиа
за предложение ввести героя
по имени Иканус.*

Ветки боярышника царапнули по стеклу за спиной Харрисона Грея, и он загнул уголок странички: читать в таком шуме было невозможно. Всю ночь яростный весенний ветер снова и снова набрасывался на дом, завывал, свистел, стучал ставнями об обшивку монотонным бум! бум! бум! Ну и что, что на календаре был уже март – Харрисон был не настолько глуп, чтобы верить, что весна близко. После такого урагана он даже не удивится, если утром окрестные поля покроются ледяной коркой. Чтобы заглушить пронзительные вопли ветра, Харрисон ткнул в кнопки пульта, включив «Омбра май фю» Бонончини. Потом подкинул еще одно полено в огонь, уже не в первый раз спрашивая себя, купил бы он этот фермерский дом, зная, сколько топлива уходит на обогрев одной комнатки, не говоря уж о всех девяти.

Телефон пронзительно зазвонил.

Харрисон поднял трубку примерно на середине второго звонка. Он думал, что услышит голос лучшей подруги своей дочери: у той появилась раздражающая привычка звонить чуть ли не посреди ночи накануне сдачи домашнего задания.

В трубке раздалось чье-то частое, прерывистое дыхание, прежде чем голос прорвался через помехи.

– Нам нужно встретиться. Когда ты будешь на месте?

От звука этого голоса Харрисон почувствовал, как холод пробрал его до костей. Призрак из прошлого. Он уже давно не слышал этого голоса, и слышать его теперь могло значить только одно: что-то пошло неправильно. Катастрофически неправильно. Он вдруг понял, что ладони у него вспотели и стоит он в жутко неудобной, напряженной позе.

– Через час, – ответил он ровным тоном. Медленно повесил трубку. Закрыв глаза, невольно возвращаясь мыслями в прошлое.

Было время, пятнадцать лет назад, когда он замирал при звуке телефонного звонка, секунды мучительно стучали, как барабан, пока он ждал, что на другом конце заговорят. Постепенно, по мере того как один спокойный год сменялся другим, он в конце концов убедил себя, что убежал от тайн своего прошлого. Он жил нормальной жизнью, у него была прекрасная семья. Ему нечего было бояться.

Стоя над раковиной на кухне, Харрисон машинально налил себе стакан воды и тут же отшвырнул его. Снаружи было совершенно темно, а из черного окна на него смотрело собственное бледное отражение. Харрисон кивнул, будто пытаясь убедить себя, что все будет хорошо. Но взгляд его потяжелел от попытки обмануть себя самого.

Он ослабил галстук, как будто это могло выпустить дикое напряжение, которое буквально распирало его изнутри, и налил второй стакан воды. С трудом выпил, заставляя себя делать один глоток за другим. Поставив стакан на край раковины, он еще секунду поколебался, словно раздумывая, а потом схватил со стола ключи от машины.

Харрисон осторожно съехал на обочину и погасил фары. Он закурил и медленно двинулся в темноте мимо разваливающихся кирпичных таунхаусов неблагополучного района Портленда. Прошли годы – пятнадцать лет, если быть точным, – с тех пор как он последний раз бывал в этом районе, и, вынужденный доверять своим старым воспоминаниям, он отнюдь не был уверен, что находится в нужном месте. Он со щелчком открыл бардачок и достал пожелтевший от времени обрывок бумаги. Монро, 1565. Он уже собирался вылезти из машины, но тишина на улице испугала его. Засунув руку под сиденье, он достал заряженный «Смит энд Вессон» и прицепил его к ремню за поясницей. Оружия Харрисон не держал в руках со времен колледжа, да и тогда они стреляли лишь в тире. В голове было пусто, пульсировала лишь одна отчетливая мысль: успел, как и обещал... приехал через час... успел.

Каблуки его ботинок громко стучали по пустому тротуару, но он не обращал внимания на этот звук, сосредоточив внимание на тенях в свете серебряной луны. Кутаясь в свое пальто, он шел мимо узких, огороженных сеткой-рабицей дворов, в домах за сеткой было темно и пугающе тихо. Дважды ему казалось, что его преследуют, но когда он оглядывался, то никого не видел.

У дома 1565 по улице Монро он просочился через калитку и обогнул здание. Коротко постучал в заднюю дверь и увидел, как за занавеской колыхнулась тень.

Дверь скрипнула.

– Это я, – негромко сказал Харрисон.

Дверь открылась ровно настолько, чтобы пропустить ночного гостя.

– За тобой следили? – спросили его.

– Нет.

– Она в опасности.

Сердце Харрисона забило сильнее.

– Что за опасность?

– Когда ей исполнится шестнадцать, он придет за ней. Тебе нужно спрятать ее как можно дальше. Где-нибудь, где он ее никогда не найдет.

Харрисон покачал головой.

– Я не понимаю...

Под угрожающим ледяным взглядом он тут же заткнулся.

– Когда мы заключали соглашение, я предупредил, что будут вещи, которых ты не поймешь. Шестнадцать лет в моем мире – это проклятый возраст. Это все, что тебе нужно знать, – бесцеремонно закончил холодный голос.

Мужчины смотрели друг на друга, пока Харрисон осторожно не кивнул.

– Вам нужно замести следы, – продолжил его собеседник. – Куда бы вы ни отправились, все нужно будет начать заново. Никто не должен знать, что вы приехали из Мэна. *Никто*. Он никогда не перестанет искать ее. Ты понимаешь?

– Я понимаю.

Но поймет ли его жена? Поймет ли Нора?

Зрение Харрисона постепенно приспособилось к сумраку, и он вдруг с изумлением обнаружил, что стоящий перед ним человек выглядел почти не постаревшим со времен их последней встречи. Честно говоря, он не состарился ни на день со времен колледжа, когда они стали соседями по комнате и быстро сдружились. *Оптический обман, игра теней?* Харрисону было любопытно, но ничего другого он предположить не смог. Кое-что, впрочем, изменилось: внизу на шее у его друга появился маленький шрам. Харрисон повнимательнее

присмотрелся к шраму и вздрогнул. Это был след от ожога, выпуклый и светлее кожи, небольшой – едва ли больше четвертака. По форме шрам напоминал кулак. С ужасом Харрисон осознал, что его друга клеймили. Как скот.

Тот почувствовал направление взгляда Харрисона, и глаза его налились сталью:

– Есть люди, которые хотят меня уничтожить. Некоторые хотят меня сломать, хотят разрушить мою личность. Вместе с одним моим верным другом мы основали общество. Все новые и новые члены вступают в него постоянно...

Он замолчал, будто сомневаясь, говорить ли дальше, а потом торопливо закончил:

– Это общество мы организовали для нашей защиты, и я поклялся ему в верности. Ты меня неплохо знаешь, поэтому понимаешь, что я ничем не поступлюсь, чтобы защитить собственные интересы, – он помолчал и добавил как-то рассеянно: – И свое будущее.

– Они тебя клеймили, – сказал Харрисон, надеясь, что в его голосе не прозвучало охватившее его отвращение.

Его друг просто смотрел на него.

Спустя мгновение Харрисон кивнул, демонстрируя понимание, пусть и не мог принять всего этого. Меньше знаешь, лучше спишь. Его друг дал ему понять это несчетное число раз.

– Могу я еще что-нибудь сделать?

– Просто береги ее.

Харрисон поправил очки на носу и неловко начал:

– Я подумал, тебе, может быть, интересно, что она выросла здоровой и сильной. Мы называли ее Нор...

– Не напоминай ее имя, – резко прервал его друг. – Я сделал все, что в моих силах, чтобы вытравить его из своей памяти. Не хочу ничего знать о ней. Я хочу, чтобы из моего разума были смыты все следы воспоминаний о ней. Чтобы мне нечего было выдать этому ублюдку.

Его друг повернулся спиной, и Харрисон понял, что разговор окончен. Он постоял минуту: так много вопросов крутилось у него на кончике языка. И в то же время он знал, что попытка добиться ответа ни к чему хорошему не приведет. Задушив в себе потребность понять этот темный мир, связь с которым его дочь ничем не заслужила, он вышел из комнаты.

Он прошел всего полквартиры, когда ночь пререзал выстрел. Инстинктивно Харрисон упал на землю и откатился в сторону. *Его друг*. Послышался второй выстрел, и, не раздумывая, Харрисон вскочил и со всех ног побежал обратно к дому. Он протиснулся через калитку и понесся напрямую через сад. Он уже почти завернул за угол, когда вдруг услышал голоса – и остановился. Несмотря на холод, он был весь мокрый от пота.

Сад был окутан тьмой, и Харрисон медленно крался вдоль стены, аккуратно, чтобы случайно не наступить на ветку или не споткнуться об камень. Звуки могли бы его выдать. Наконец он увидел заднюю дверь дома.

– Последний шанс, – послышался мягкий спокойный голос, который Харрисон не узнал.

– Иди к черту, – с ненавистью выплюнул его друг.

Третий выстрел. Его друг взревел от боли, а стрелявший спокойно спросил:

– Где она?

Хотя сердце бешено стучало, Харрисон знал, что ему нужно действовать. Еще пять секунд, и будет поздно! Он завел руку за спину и вынул пистолет. Взяв его двумя руками для надежности, он двинулся к двери, за спину стоящего у двери темноволосого стрелка. За стрелком Харрисон увидел своего друга. Когда их глаза встретились, лицо друга исказилось

тревогой.

«Уходи!»

Приказ ударил в мозг словно колокол, и на секунду Харрисон поверил, что друг прокричал это вслух. Но стрелок не обернулся, и Харрисон с холодным удивлением понял, что голос его друга прозвучал у него в голове.

«Нет», – мысленно ответил Харрисон, молча покачав головой. Преданность мешала ему уйти, хотя он и не понимал происходящего. С этим человеком он провел лучшие годы жизни. Именно этот человек познакомил его с будущей женой. И он не собирался бросать его здесь в руках убийцы.

Харрисон нажал на курок. Он услышал оглушительный выстрел и ждал, что стрелок сейчас упадет. На всякий случай он выстрелил еще раз. И еще.

Темноволосый молодой человек медленно повернулся. Впервые в жизни Харрисон по-настоящему испугался. Испугался этого юноши, стоящего перед ним с оружием в руках. Испугался смерти. Испугался того, что станет с его семьей.

Он почувствовал, как выстрелы прошли его опаляющим огнем, разбивая на тысячи кусочков. Он упал на колени. Перед его глазами медленно проплыл образ жены, а потом дочери. Он разлепил губы, пытаясь произнести их имена, он так хотел сказать им о том, как сильно их любит, пока не стало слишком поздно.

Молодой человек тащил его по земле волоком к дорожке за домом. Харрисон чувствовал, что сознание покидает его, он пытался бороться, но тщетно. Он не мог подвести свою дочь. Ее некому будет защитить. Этот темноволосый стрелок найдет ее, и если его друг был прав, убьет.

– Кто ты? – спросил Харрисон, хотя слова жгли его грудь огнем.

Он цеплялся за надежду, что у него еще есть время. Может быть, он сможет предупредить Нору из другого мира – мира, стремительно приближавшегося к нему мириадами опадающих черных перьев.

Молодой человек на мгновение задержал свой взгляд на Харрисоне, а потом его холодное лицо осветила слабая улыбка:

– Ты ошибаешься. Совершенно точно, уже слишком поздно.

Харрисон впился в него глазами, ошарашенный тем, что убийца знал обо всем, и невольно подумал, сколько раз этот юноша стоял вот так же над умирающей жертвой, читая ее последние мысли. Наверно, немало.

Будто демонстрируя, что это действительно для него привычное дело, молодой человек без малейшего колебания поднял оружие, и Харрисон обнаружил, что смотрит прямо в отверстие ствола. Вспыхнул яркий свет, и это было последнее, что видел Харрисон в своей жизни.

Глава 1

Дельфик-Бич, Мэн

Настоящее время

Патч стоял позади меня, держа руки на моих бедрах, совершенно расслабленный. Он был метр восемьдесят семь ростом, поджарый, атлетичный – отличную фигуру не могли скрыть даже широкие штаны и майка. Цвет его волос вполне мог составить конкуренцию самой темной ночи, глаза тоже были под стать. А его улыбка... сексуальная, словно предупреждающая об опасности... Но я уже давно решила, что опасность опасности рознь.

Наверху фейерверки зажигали ночное небо, проливая водопады цветных искр в Атлантику. Толпа охала и ахала. Был конец июня, и в Мэне воцарилось летнее настроение, ознаменовавшее начало двух месяцев солнца, песка и туристов с тугими кошельками. Меня лично ожидали два месяца солнца, песка и времени, проведенного исключительно с Патчем. Я записалась только на один летний школьный курс – по химии – и собиралась позволить Патчу монополизировать все мое остальное свободное время.

До того места в доках, откуда запускали фейерверки, было не больше двухсот метров, и я чувствовала, как при взрыве каждой ракеты вибрирует песок у меня под ногами. Волны с шумом накатывали на пляж внизу, и гремела карнавальная музыка. Воздух наполнился вкусными запахами сладкой ваты, попкорна и шкворчащего мяса, и мой желудок напомнил, что я ничего не ела с самого утра.

– Я собираюсь перехватить чизбургер, – повернулась я к Патчу. – Хочешь чего-нибудь?

– Ничего из того, что есть в меню.

Я улыбнулась.

– Боже, Патч, ты что, флиртуешь со мной?

Он поцеловал меня в макушку.

– Пока нет. Я принесу тебе чизбургер. А ты наслаждайся последними залпами.

Я удержала его за ремень:

– Спасибо, но я сама. Не могу больше чувствовать себя виноватой...

Он вопросительно поднял брови.

– Когда в последний раз девушка, продающая чизбургеры, брала с тебя деньги?

– Давненько.

– *Никогда.* Так что стой тут. Если она увидит тебя, я проведу остаток вечера в угрызениях совести.

Патч открыл бумажник и достал двадцатку:

– Оставь ей хорошие чаевые.

Настала моя очередь удивляться:

– Хочешь искупить вину за все разы, когда брал еду бесплатно?

– Когда я заплатил в последний раз, она побежала за мной и засунула деньги мне в карман. Мне бы не хотелось, чтобы меня в очередной раз трогали руками...

Звучало не очень правдоподобно, но, зная Патча, я была склонна предположить, что так и было.

Вокруг ларька с гамбургерами петляла очередь; конец ее упирался аж в карусель. Оценив длину очереди, я прикинула, что ждать придется никак не меньше пятнадцати минут. Одна палатка с гамбургерами на весь пляж. Как-то совсем не по-американски.

Через несколько минут томительного ожидания, наверное, в десятый раз оглядываясь по сторонам, я заметила Марси Миллар, стоящую в паре человек за мной.

Мы с Марси вместе ходили в школу еще с начальных классов, и за эти одиннадцать лет я видела ее часто. Слишком часто. Из-за нее вся школа знала в подробностях, какое нижнее белье я ношу. В старших классах Марси не раз воровала мой лифчик из шкафчика в раздевалке и прикалывала к доске объявлений около канцелярии, а иногда она подходила к делу творчески и использовала его в качестве украшения кафетерия, наполнив обе мои А-чашечки ванильным пудингом и сервировав консервированными вишенками. Шикарно, я знаю.

Юбки Марси были на два размера меньше и минимум на пять сантиметров короче, чем следовало бы. У нее были пшеничного цвета волосы, и фигура, похожая на фруктовый лед на палочке: поверни ее боком – и она практически исчезала. Если бы существовала на свете доска, на которой велся бы счет наших с Марси побед и поражений, у нее было бы как минимум вдвое больше очков, чем у меня.

– Привет. – Мы нечаянно столкнулись взглядами, и пришлось хотя бы поздороваться.

– Привет, – процедила она в ответ, старательно изображая вежливость.

Марси на Дельфик-Бич – все равно что иллюстрация к игре «Что лишнее на картинке». Отец Марси владел автосалоном «Тойота» в Колдуотере, ее семья жила в роскошном доме на склоне холма, и Миллары гордились тем, что они, единственные из жителей Колдуотера, являются членами престижного яхт-клуба «Харрасикет». В этот самый момент родители Марси, скорее всего, были во Фрипорте, участвуя в регате или заказывая лососину.

По контрасту Дельфик-Бич казался практически тущобами. Мысль о яхт-клубе здесь была нелепа. Единственным рестораном здесь был вот этот перекрашенный ларек с гамбургерами с кетчупом и горчицей на выбор. В хороший день можно было даже получить картошку фри. Все развлечения сводились к шумным игровым автоматам и электрическим машинкам, а после захода солнца на стоянке выбор определенного вида порошков и таблеток был больше, чем любой аптечный ассортимент.

Мистер и Миссис Миллар точно не хотели бы, чтобы их дочь отравляла себя подобной атмосферой.

– А еще медленнее мы можем двигаться, люди? – воззвала Марси к очереди. – Некоторые с голоду умирают тут, сзади.

– Там за прилавком всего один человек работает, – сказала я ей.

– И? Могли бы нанять еще людей. Спрос и предложение.

Вообще-то если судить по оценкам, Марси была последней, кому стоило разглагольствовать об экономике.

Десять минут спустя я стояла уже настолько близко к ларьку, что даже могла прочитать слово «Горчица», накорябанное черным маркером на желтой бутылке. За моей спиной Марси нетерпеливо переступала с ноги на ногу и раздраженно вздыхала.

– Я ужасно голодна. Голодна с большой буквы Г, – пожаловалась она.

Парень передо мной расплатился и унес свою еду.

– Чизбургер и колу, пожалуйста, – попросила я и, пока девушка готовила мой заказ, повернулась к Марси: – Итак. Ты с кем здесь?

На самом деле мне было абсолютно все равно, с кем она пришла – у нас даже не было общих друзей. Просто вежливость не позволяла мне больше молчать. Кроме того, Марси уже несколько недель не делала ничего, очевидно, грубого в отношении меня. И мы провели в относительном покое последние пятнадцать минут. Может, это было начало перемирия. Дела давно минувших дней и все такое.

Она зевнула, как будто говорить со мной было скучнее, чем ждать в очереди, глядя людям в затылки.

– Без обид, но я не в настроении болтать. По ощущениям я стою в очереди уже пять часов, дожидаясь обслуживания некомпетентной и ленивой девушки, которая, очевидно, не может готовить два гамбургера одновременно.

Девушка за прилавком низко опустила голову, вынимая полуфабрикаты гамбургеров из воощенной бумаги, но я знала, что она все слышала. Наверняка она ненавидела свою работу. Наверняка незаметно плевала в котлеты, когда поворачивалась спиной. И я бы не удивилась, узнав, что после смены она сидела в машине и плакала.

– Разве твой папа одобряет, что ты тусуешься на Дельфик-Бич? – спросила я Марси, слегка прищурясь. – Это ведь может подмочить безупречную репутацию семьи Миллар. Особенно теперь, когда твоего папу приняли в яхт-клуб «Харрасикет».

Лицо Марси застыло.

– А я удивлена, что твой папа позволяет тебе тусоваться здесь. Хотя... погоди... А, точно! Он же умер, – процедила она.

Моей первой реакцией был шок. Второй – возмущение ее жестокостью. Я задохнулась от гнева.

– А что такого? – заявила она, дернув плечом. – Он же мертв. Это факт. Хочешь, чтобы я перевирала факты?

– Да что я тебе такого сделала?

– Родилась.

Ее безжалостность потрясла меня до глубины души, настолько, что я даже не нашлась что ответить. Я схватила свой чизбургер с колой со стойки, оставив вместо них двадцатку. Я очень хотела скорее вернуться к Патчу, но все это должно было остаться между мной и Марси. Если я вернусь сейчас, один взгляд на мое лицо скажет Патчу, что что-то не так. Мне не хотелось втягивать его в это.

Я решила немного побыть в одиночестве, чтобы собраться, нашла скамейку неподалеку и села, стараясь держать спину прямо и не позволить Марси окончательно испортить вечер. Нельзя доставить ей удовольствие и показать, что она загнала меня в маленькую черную дыру жалости к себе.

Я откусила кусок чизбургера, но во рту остался неприятный привкус. Мертвечина – вот единственная мысль, которая билась у меня в голове. Мертвые коровы. Мой мертвый отец.

Я выкинула чизбургер в мусорку и пошла дальше к кабинкам туалета, чувствуя, как слезы душат меня. Обхватив себя руками за плечи, я поспешила к кабинкам, установленным на краю парковки, надеясь добежать туда, пока эти слезы не хлынули у меня из глаз у всех на виду. В женский туалет стояла вечная очередь, но я протиснулась сквозь толпу и встала перед почерневшим от старости и влаги зеркалом. Даже в этом полумраке было видно, что глаза у меня красные и блестят от слез. Я намочила бумажное полотенце и прижала к глазам. Что

такое с этой Марси? Чем я умудрилась так насолить ей?

Сделав несколько глубоких вдохов, я расправила плечи и мысленно выстроила кирпичную стену между собой и Марси. Какое мне дело, что она сказала? Мне она даже не нравится. Ее мнение ничего для меня не значит. Она грубая и эгоцентричная, и она ударила меня ниже пояса. Она меня совсем не знала и уж точно не знала моего отца. Поэтому плакать из-за любых слов, вылетевших из ее рта, было просто напрасной тратой времени и сил.

«Выбрось это из головы», – сказала я себе.

Я подождала, пока краснота сошла с глаз, и вышла из туалета. Пробираясь через толпу, я принялась искать Патча. Он бросал мяч на одном из аттракционов, стоя спиной ко мне. Рядом с ним был Риксон: он, наверно, поспорил на деньги, что Патч не сможет выбить ни одной тяжелой кегли для боулинга. Риксон был падшим ангелом, и с Патчем его связывала долгая история, они были практически братьями. Патч немногих пускал в свою жизнь, а доверял и подавно единицам, но если кто и знал все его секреты, так это Риксон.

Еще пару месяцев назад Патч тоже был падшим ангелом. Потом он спас мне жизнь, получил назад свои крылья и стал моим ангелом-хранителем. Теперь он должен был быть на стороне хороших ребят, но я втайне чувствовала, что его связь с Риксоном и миром падших ангелов значила для него много больше. И хотя мне не хотелось этого признавать, я чувствовала, что он жалел о решении архангелов сделать его моим хранителем. В конце концов, он хотел совсем другого.

Он хотел стать человеком.

Зазвонил мой сотовый телефон, вырывая меня из задумчивости. Звонила моя лучшая подруга Ви, но я предоставила автоответчику разобраться с ее звонком. Было немного стыдно, что это уже второй ее звонок, которого я избегаю за сегодня. В собственных глазах я оправдалась тем, что завтра первым делом повидаюсь с ней. Патча же я не увижу до завтрашнего вечера. Поэтому я планировала не упустить ни единой минуты общения с ним.

Патч прицелился и бросил мяч, кегли посыпались в разные стороны, и я почувствовала, как в животе запорхали бабочки, когда футболка у него на спине задралась и обнажила полоску кожи. Я точно знала, что на ощупь его тело гладкое и мускулистое. И спина у него тоже была гладкой и совершенной, даже несмотря на шрамы, на месте которых снова выросли крылья – крылья, которые ни я, ни любой другой человек не может видеть.

– Пять долларов на то, что ты не сможешь это повторить, – сказала я, вставая позади него.

Патч обернулся, улыбаясь.

– Мне твои деньги не нужны, Ангел.

– Эй, ребятки, аккуратнее, здесь ходят дети, – предупредил Риксон.

– Все три оставшиеся кегли, – поддразнила я Патча.

– Какой приз имеется в виду? – спросил он.

– Какого черта, – ругнулся Риксон. – Вы что, не можете дождаться, пока останетесь наедине?

Патч одарил меня улыбкой, а потом чуть откинулся назад, держа мяч перед грудью, опустил правое плечо, широко размахнулся и отправил мяч вперед с огромной силой. Раздался громкий стук – и оставшиеся три кегли повалились на бок.

– Ой-ой, теперь у тебя неприятности, милашка, – крикнул мне Риксон, перекрикивая болельщиков Патча, улюлюкавших и азартно хлопающих в ладоши.

Патч облокотился на стойку и выразительно приподнял брови, глядя на меня. Этот жест мог означать только одно: расплачивайся.

– Тебе повезло, – сказала я.

– Мне вот-вот повезет, – согласился он.

– Выбирайте приз, – буркнул старый владелец аттракциона, кряхтя и наклоняясь, чтобы поднять упавшие кегли.

– Вот этот фиолетовый медведь, – показал Патч и протянул мне свой трофей: плюшевый медведь невразумительного цвета.

– Это мне? – ахнула я и прижала руки к груди.

– Ты любишь бедняжек. В продуктовом ты всегда берешь помятые банки. Я заметил. – Он подцепил пальцем петельку для ремня на моих джинсах и притянул меня поближе к себе. – Давай-ка уберемся отсюда.

– Что это ты задумал? – спросила я, чувствуя, как внутри нарастает теплая волна возбуждения, потому что я точно знала, что́ было у него на уме.

– Поехали к тебе.

Я покачала головой.

– Не вариант. Мама дома. Но мы могли бы пойти к тебе, – подсказала я.

Мы были вместе два месяца, и я до сих пор не знала, где Патч живет. И не потому, что не пыталась узнать. Двух недель отношений уже было бы вполне достаточно, чтобы получить приглашение, особенно учитывая, что Патч живет один. Два месяца это чересчур. Я пыталась проявлять терпение, но любопытство не давало мне покоя. Я ничего не знала о личных, интимных деталях жизни Патча, вроде того, в какой цвет выкрашены стены у него дома, ручная у него открывашка для банок или электрическая, мылом какой марки он моется, хлопковые у него простыни или шелковые.

– Дай угадаю, – сказала я. – Ты живешь в секретном комплексе, который находится в шахте под городом.

– Ангел...

– Там грязная посуда в раковине? Грязное белье на полу? Это ведь куда более безопасное место, чем мой дом.

– Верно, но ответ все еще отрицательный.

– А Риксон у тебя бывал?

– Риксон должен знать.

– А я, значит, не тот, кто «должен знать»?

Он слегка дернул губой:

– В этом «должен знать» есть и темная сторона.

– Если ты мне покажешь, тебе придется меня убить, да? – догадалась я.

Он обнял меня двумя руками и поцеловал в лоб.

– Почти угадала. Когда у нас комендантский час?

– В десять. Завтра начинается летняя школа.

Да, школа. А еще мама с упорством, достойным лучшего применения, пытается вбить клин между мной и Патчем. Я могла бы с абсолютной уверенностью сказать, что комендантский час продлился бы до десяти тридцати, если бы я была с Ви, а не с Патчем. Я не могла винить маму в ее недоверии к Патчу – ведь одно время я и сама ему не доверяла, но было бы куда удобнее, если бы она время от времени ослабляла свою бдительность.

Например, сегодня. И потом, ведь со мной ничего не может случиться. Мой ангел-

хранитель – вот он, в нескольких шагах от меня.

Патч посмотрел на часы.

– Что ж, тогда пора двигаться.

В 10.04 Патч развернулся перед нашим домом и припарковался у почтового ящика. Он выключил мотор и фары, и мы остались в темноте пригорода. Мы посидели так несколько минут, а потом он спросил:

– Ты чего такая тихая, Ангел?

Я мгновенно встрепенулась:

– Я тихая? Да нет. Просто задумалась.

Едва заметная улыбка изогнула губы Патча.

– Врушка. Что случилось?

– Тебя не проведешь, – с нажимом сказала я.

Его улыбка стала чуть заметнее.

– Да, меня не проведешь.

– Наткнулась на Марси Миллар у ларька с гамбургерами, – призналась я.

Вот тебе и спрятала свои проблемы внутри. Очевидно, что они все еще были на поверхности. С другой стороны, если я не могу поговорить об этом с Патчем, то с кем могу? Два месяца назад наши отношения складывались из бесконечных сумасшедших поцелуев в машинах, не в машинах, на трибунах, на кухонном столе. Они состояли из горячих блуждающих рук, размазанного блеска для губ и растрепанных волос. Но теперь все стало гораздо глубже. Теперь я чувствовала с Патчем эмоциональную связь. Его дружба для меня значила больше, чем сотня обычных знакомств. Со смертью отца во мне образовалась огромная пустота, угрожавшая сожрать меня изнутри. Теперь, с появлением Патча, пустота никуда не девалась, но боль стала гораздо меньше. Мне больше не было смысла застревать в прошлом, тревожить старые раны, ведь у меня теперь было все, о чем я могла мечтать, *прямо сейчас*. И за это я должна сказать спасибо Патчу.

– Марси была очень тактична и деликатна: она не преминула мне напомнить, что мой отец умер.

– Хочешь, я с ней поговорю?

– Звучит прямо как в «Крестном отце»!

– С чего вообще между вами началась эта война?

– В том-то и дело, что я даже не знаю! Сначала дело было только в том, кому достанется последнее шоколадное молоко на обеде. Потом однажды в старших классах Марси пришла в школу и краской из баллончика написала «шлюха» на моем шкафике. Она даже не пыталась этого скрыть. Вся школа видела!

– Она чокнулась просто так? Без причины?

– Ну да, – по крайней мере, мне эта причина неизвестна.

Он заложил мне прядь волос за ухо.

– И кто выигрывает эту войну?

– Марси. Но отрыв совсем небольшой!

Его улыбка стала шире.

– Задай ей жару, тигр.

– А еще знаешь что? Да как она могла назвать меня шлюхой! Я в школе даже не целовалась ни с кем. Марси стоило разукрасить собственный шкафик!

– Похоже, кое-кто заикнулся на этой проблеме, Ангел. – Его рука скользнула под мою

майку на бретельках, его прикосновения будто посылали разряды электричества всему моему телу. – Бьюсь об заклад, я заставлю тебя забыть о Марси.

На втором этаже моего дома горел свет, но я не видела маминого лица, прижатого к какому-нибудь окну, поэтому решила, что у нас есть немного времени. Я отстегнула свой ремень безопасности и, перегнувшись через коробку передач, нашла губы Патча в темноте. Медленно поцеловала его, смакуя вкус морской соли на его коже. Он брился с утра, но сейчас его щетина слегка покалывала мою кожу. Его губы скользнули к моей шее, и я почувствовала прикосновение языка, заставившее мое сердце выскакивать из груди.

Он покрывал поцелуями мое обнаженное плечо, потом нежно спустил бретельку моего топика и быстро провел губами вниз по руке. Мне хотелось быть к нему как можно ближе, никуда и никогда не отпускать. Он был необходим мне прямо сейчас, и завтра, и послезавтра. Он был нужен мне как никто раньше.

Я переползла к нему на колени. Мои руки скользнули по его груди ему за спину и притянули его еще ближе. Он крепко обнял меня, и я растворилась в его объятиях.

Наслаждаясь моментом, я забралась ему под майку, думая лишь о том, как сильно люблю это ощущение, когда тепло его тела расходится по моим рукам. Когда мои пальцы пробегали по тому месту, где были шрамы от крыльев, где-то в глубине моего сознания вспыхнул яркий свет. Полная темнота, а в ней – луч, один-единственный луч света, прорезающий ее насквозь. Это было похоже на какое-то фантастическое космическое явление, которое находится за сотни тысяч километров от тебя. Я почувствовала, как мое сознание погружается в сознание Патча, во все тысячи хранившихся там личных воспоминаний... когда внезапно он взял мою руку и опустил ниже, подальше от места, где вновь росли его крылья. И все резко вернулось на круги своя.

– Хорошая попытка, – он легко коснулся моих губ своими.

Я прикусила его нижнюю губу.

– Если бы ты мог видеть мое прошлое, просто дотрагиваясь до моей спины, – тебе бы тоже было непросто удержаться от соблазна.

– Мне непросто удерживаться от соблазна и без этого дополнительного бонуса.

Я засмеялась, но быстро снова посерьезнела. Даже если очень постараться, я с трудом могла вспомнить, как жила без Патча. Вечером, ложась в кровать, я в деталях вспоминала его смех, его улыбку – правый уголок губ поднимается чуть выше... прикосновения его рук – теплых, мягких, которые так приятны коже. И только с очень большими усилиями я могла вспомнить события предыдущих шестнадцати лет моей жизни. Может, это потому, что эти воспоминания бледнели и казались такими незначительными в сравнении с Патчем. Или, может, потому, что там вообще нечего было вспоминать?

– Никогда не оставляй меня, – попросила я, скользя пальцами под ворот его рубашки и прижимаясь к нему еще теснее.

– Ты моя, Ангел, – шепнул он, целуя мой подбородок, а я выгнула шею, приглашая его продолжить. – А я – твой. Навсегда.

– Убеди меня, что ты говоришь серьезно, – потребовала я торжественно.

Он посмотрел на меня, а потом потянулся к своей шее и расстегнул сзади простую серебряную цепочку, которую носил, сколько я его помню. Я понятия не имела, откуда она взялась, не знала, что она для него означает, но чувствовала, что она очень важна для него. Это было единственное украшение, которое он носил, причем всегда прятал под рубашкой, поближе к коже. И я ни разу не видела, чтобы он снимал ее.

Сейчас его пальцы скользнули по моей шее и застегнули замочек цепочки – металл все еще хранил тепло его тела.

– Мне дали ее, когда я был архангелом, – произнес Патч. – Она помогает отличать искренность от притворства, правду от лжи.

Я легонько коснулась цепочки пальцами, замирая от волнения.

– А она... еще работает?

– Для меня нет, – он переплел наши пальцы и перевернул мою руку, чтобы поцеловать. – Теперь твоя очередь.

Я стянула маленькое медное колечко со среднего пальца левой руки и протянула ему. С внутренней стороны этого колечка на гладком металле когда-то вручную было вырезано сердечко.

Патч крутил кольцо между пальцами, молча изучая его.

– Папа дал мне это за неделю до того, как его убили, – сказала я.

Патч вскинул на меня глаза.

– Я не могу это принять.

– Для меня это самая важная вещь на свете. И я хочу, чтобы оно было у тебя. – Я сложила его пальцы в кулак.

– Нора, – колебался Патч. – Я не могу взять его.

– Пообещай, что будешь хранить его. Пообещай, что между нами никогда не произойдет ничего плохого. – Я смотрела ему прямо в глаза, не давая ему отвернуться. – Я не хочу быть без тебя. Я не хочу, чтобы это когда-нибудь кончилось.

Глаза у Патча были грифельно-черными, темнее миллиона тайн, уложенных одна на другую. Он разжал пальцы и опустил взгляд на кольцо в своей руке, медленно поворачивая его.

– Поклянись, что никогда не перестанешь любить меня, – прошептала я.

Ответом был чуть заметный кивок.

Я потянула его за воротник к себе, целуя все более страстно, скрепляя клятву между нами. Мои пальцы сплелись с его, и кольцо врезалось в наши ладони. Мне никак не удавалось добиться той степени близости с ним, которой я хотела, мне все время было мало его. Кольцо все глубже впивалось в мою ладонь, пока не поранило кожу и не выступила кровь.

Клятва на крови.

Когда мои легкие были готовы разорваться без воздуха, я отстранилась и прижалась своим лбом к его лбу. Глаза у меня были закрыты, грудь высоко вздымалась.

– Я люблю тебя, – прошептала я. – Больше, чем, кажется, следовало бы.

Я ждала его ответа, но он лишь обнял меня крепче, будто защищая от чего-то, и повернул голову к деревьям, стоявшим вдоль дороги.

– Что случилось? – спросила я.

– Я что-то слышал.

– Ну да. Это я сказала, что люблю тебя, – улыбнулась я, водя пальцем по его губам.

Я ожидала, что он улыбнется в ответ, но он не сводил напряженного взгляда с деревьев, тени которых шевелились в такт колыхавшимся на ветру ветвям.

– Что там? – спросила я, проследив за его взглядом. – Койот?

– Что-то не так.

Я вздрогнула, как от холода, и слезла с его колен.

– Ты меня пугаешь. Это медведь?

Я уже много лет не видела медведей, но наш дом стоял на самом краю поселка, и голодные медведи часто бродили совсем близко в поисках еды после спячки.

– Включи фары и посигналь, – посоветовала я.

Всматриваясь в темноту, я пыталась обнаружить какое-нибудь движение, шевеление. Сердце у меня заколотилось сильнее при воспоминании о том, как мы с родителями смотрели из окна дома на качавшего нашу машину медведя, который учуял внутри еду.

За моей спиной вспыхнул свет на крыльце. Мне не нужно было поворачиваться, чтобы знать, что это мама стоит в дверях, хмурясь и нетерпеливо постукивая ногой по полу.

– Что там? – еще раз спросила я Патча. – Мама выходит из дома. Ей ничего не угрожает?

Он включил зажигание и положил руки на руль:

– Иди домой. Мне нужно кое-что сделать.

– Идти домой? Ты *шутить*? Что происходит?

– Нора! – рассерженным тоном позвала моя мама, спускаясь по ступенькам. Она остановилась в паре метров от джипа и жестом приказала мне опустить окно.

– Патч? – попробовала я еще раз.

– Я позвоню тебе. Позже.

Мама резко распахнула дверь.

– Патч, – коротко констатировала она.

– Блайз, – рассеянно кивнул он в ответ.

Она переключилась на меня.

– Ты опоздала на четыре минуты!

– Но вчера я пришла на четыре минуты раньше!

– Это комендантский час, милочка. Здесь вчера не считается! Домой. Сейчас же.

Я не хотела уходить, так и не получив ответа от Патча, но у меня не было выбора.

– Позвони мне, – сказала я ему.

Он коротко кивнул, но по его сосредоточенному встревоженному взгляду было видно, что мыслями он уже далеко. Как только я вышла из машины, джип резко рванул с места вперед. Куда бы ни направлялся Патч, он очень торопился.

– Устанавливая комендантский час, я рассчитываю, что ты будешь его соблюдать, – строго сказала мама.

– Четыре минуты, – сказала я тоном, показывающим, что ее реакция слишком бурная.

Взгляд, которым она меня наградила, отнюдь не был ласковым.

– В прошлом году убили папу. Пару месяцев назад ты сама ощутила дыхание смерти. Мне кажется, я заслужила право слишком беспокоиться.

Она пошла к дому, скрестив руки на груди.

Ясно. Я была бесчувственной, нечуткой дочерью. Сделаю выводы.

Я все вглядывалась в деревья на той стороне улицы.

Все выглядело совершенно обыденно, и холодка, сигнализирующего, что там было что-то недоступное моему зрению, я не почувствовала. Шелест летний ветерок, треск цикад наполнял воздух. Ничего угрожающего. Скорее на-оборот – деревья выглядели такими мирными в серебряном сиянии лунного света.

Патч тоже ничего за деревьями не увидел. Он отвернулся потому, что я произнесла эти *глупые*, напыщенные слова, которые вылетели из меня раньше, чем я смогла остановиться. О чем я только *думала*? Нет. О чем сейчас думает Патч?

Он уехал, чтобы не было необходимости отвечать? И я очень хорошо знала, в чем заключался ответ, как и то, почему сейчас я стояла и смотрела вслед его исчезающему джипу.

Последние одиннадцать секунд я лежала лицом вниз, закрывая подушкой уши, чтобы не слышать вопли Чака Делани – он громко и жизнерадостно повествовал о ситуации на дорогах Портленда (радио было у меня вместо будильника). Подушкой я пыталась отключить не только свой слух, я хотела выключить сознание и логику, приказывавшие мне немедленно вставать и одеваться, обещая неприятные последствия в противном случае. И центры удовольствия в моем мозгу выиграли. Они уцепились за сны, или, скорее, за субъект этих снов. У него были кудрявые черные волосы и убийственная улыбка. В данный момент он сидел спиной вперед на своем мотоцикле, а я сидела лицом к нему, и наши колени соприкасались. Я забралась рукой ему под футболку и притянула его к себе для поцелуя.

В моем сне Патч чувствовал, как я его целую. Не только на эмоциональном уровне, но настоящее, физическое прикосновение. В моем сне он был больше человеком, чем ангелом. Ангелы не испытывают физических ощущений. Я это хорошо знала, но во сне мне хотелось, чтобы Патч почувствовал, какие у меня мягкие, нежные губы, почувствовал, какие они на вкус. Хотела, чтобы он чувствовал, как мои пальцы гладят его волосы. Я хотела, чтобы он не мог сопротивляться тому притяжению, которое исходило от каждой клеточки моего тела, чтобы мысли его заплетались, чтобы он терял разум...

Как я.

Патч коснулся моей шеи под серебряной цепочкой, его прикосновение заставило меня задрожать от наслаждения.

– Я люблю тебя, – прошептал он.

Я как можно крепче прижалась к нему, чувствуя твердые мышцы его живота, и продолжала целовать, останавливаясь только для того, чтобы набрать воздуха в легкие.

– Я люблю тебя сильнее, – сказала я, и наши губы соприкоснулись.

Только слова почему-то не прозвучали, они остались во мне.

А Патч ждал моего ответа, и улыбка его становилась все слабее.

– Я люблю тебя, – попробовала я снова.

И опять слова застряли у меня в горле. На лице Патча появились тревога и недоумение.

– Я люблю тебя, Нора, – повторил он.

Я лихорадочно закивала, но он уже отвернулся, завел мотоцикл и двинулся вперед, ни разу не обернувшись на меня.

– Я люблю тебя! – кричала я ему вслед. – Я люблю тебя! Я люблю тебя!

Но моя глотка будто была забита мокрым песком; чем больше я пыталась вытолкнуть слова наружу, тем плотнее они увязали внутри.

Патч был впереди, он почти потерялся в толпе. Мгновенно наступила ночь, и я едва могла различить его черную футболку среди сотен таких же темных футболок. Я рванулась за ним и догнала его, но, когда я схватила его за руку и он оглянулся, оказалось, что это вовсе не он. Девушка. Было слишком темно, чтобы разглядеть ее черты, но я знала, что она прекрасна.

– Я люблю Патча, – сказала она, улыбаясь ярко-красными губами. – И я не боюсь сказать ему это.

– Я сказала! – зачем-то начала спорить я. – Вчера вечером я ему сказала.

Я оттолкнула ее, глазами нашла его в толпе, увидев знакомую синюю бейсболку, и стала лихорадочно проталкиваться к нему, пока наконец не схватила за руку и не развернула к себе

лицом.

Но это снова был не он. Это была все та же красивая девушка.

– Слишком поздно, – сказала она. – Теперь я люблю Патча.

– А теперь Энжи расскажет о погоде! – жизнерадостно пролаял мне в ухо Чак Делани.

На слове «погода» я резко открыла глаза и немного еще полежала в постели, пытаюсь выкинуть из головы то, что было всего лишь плохим сном, и взять себя в руки. Погоду объявляли без двадцати минут, и я никак не могла ее слышать, если только...

Летняя школа! Я проспала!

Отбросив одеяло, я вскочила и кинулась к шкафу. Поспешно натянула джинсы, брошенные вчера на нижней полке, влезла в майку, а поверх нее нацепила лавандовый кардиган. Быстро набрала запрограммированный номер Патча, но после третьего гудка включился автоответчик.

– Позвони мне! – попросила я и вдруг засомневалась: а вдруг он теперь избегает меня после вчерашнего большого признания? Я решила было сделать вид, что ничего этого не было, пока все не забудется и не вернется в норму, но после этого дурацкого утреннего сна поняла, что вряд ли это у меня получится. И Патчу, наверно, было так же непросто забыть об этом. В любом случае прямо сейчас я ничего не могу изменить. И даже несмотря на то что я облажалась, он обещал меня подвезти...

Я нахлобучила на волосы ободок, – вот и прическа! – схватила рюкзак с кухонного стола и выскочила на улицу.

На бетонной площадке восемь на десять футов, где раньше стоял мой «Фиат-Спайдер» 1979 года, я слегка притормозила и топнула ногой от злости и раздражения. Мама продала «Спайдер», чтобы оплатить трехмесячную задолженность за электричество и заполнить холодильник продуктами, которых нам хватило до конца месяца. Она даже уволила экономку, Дороти, мою вторую маму, чтобы сократить расходы. Полная ненависти к «обстоятельствам-которые-сильнее-нас», я закинула рюкзак на плечо и побежала.

Многие считали сельский дом на окраине, в котором мы жили, очаровательным, но, говоря откровенно, нет ничего привлекательного и очаровательного в том, что ближайшие соседи живут минимум в полукилометре от тебя. И если слово «очаровательный» не является синонимом продуваемой всеми ветрами халупы постройки восемнадцатого века, которая притягивает к себе все туманы и утренние росы и требует без конца все новых и новых вложений денег, я, пожалуй, рискну не согласиться с этим определением.

На углу Хоторн и Бич я наконец увидела признаки жизни в виде проносящихся мимо по своему ежедневному маршруту машин. Я подняла одну руку, голосуя, а другой развернула пластинку мятной жвачки – зубы-то я почистить не успела.

Рядом со мной притормозила красная «Тойота 4Раннер», с автоматическим жужжанием опустилось стекло со стороны пассажирского места. За рулем сидела Марси Миллар.

– Проблемы с машиной? – спросила она.

Да. Проблема в *отсутствии* машины. Но признаваться в этом Марси я, конечно, не собиралась.

– Подвезти? – нетерпеливо задала она другой вопрос, пока я думала, что ответить на первый.

Я просто не могла поверить, что из всех проносящихся по шоссе машин первой остановилась именно машина Марси. Хочу ли я ехать с ней? Нет. Злюсь ли я все еще на то, что она сказала про моего отца? Да. Собираюсь ли я ее простить? Вот уж это точно нет! Я

уже готова было отмахнуться от нее, но меня останавливало одно маленькое неприятное обстоятельство. По слухам, не верить которым у меня не было никаких оснований, больше периодической таблицы элементов учитель химии Мистер Лоукс любил только делать выговоры за опоздание нерадивым ученикам.

– Спасибо, – нехотя согласилась я. – Мне нужно в школу.

– А что твоя жирная подружка? Она не могла тебя подвезти?

Я замерла, держась за дверную ручку, которую как раз открывала. Мы с Ви давно больше не пытались объяснить ограниченным и тупым людям, что «жирный» и «с формами» – это разные вещи, но это не значит, что мы готовы были молча сносить насмешки и пренебрежение. И я с радостью попросила бы Ви подвезти меня, но ее пригласили участвовать в собрании подающих надежды редакторов школьного электронного журнала, поэтому она уже находилась в школе.

– Знаешь, я все-таки лучше прогуляюсь пешком. – И я хлопнула дверцей машины.

Марси сделала вид, что смутилась.

– Ты обиделась, что я назвала ее жирной? Но ведь это правда. Что с тобой такое? Похоже, что мне нужно подвергать цензуре каждое слово в разговоре с тобой. Сначала твой отец, теперь это. Что случилось со свободой слова?

Пару секунд я раздумывала о том, как было бы здорово, если бы у меня все-таки была машина. Не только потому, что мне не пришлось бы тогда просить кого-то меня подвезти, но и потому, что тогда я бы могла переехать этой машиной Марси. На школьной парковке вечно творится черт знает что. Несчастные случаи иногда бывают.

Дать Марси под зад бампером я не могла, поэтому я выбрала следующий вариант в своем списке.

– Если бы мой отец был дилером «Тойоты», думаю, у меня все-таки хватило бы ума и знаний об экологии, чтобы попросить купить мне «гибрид».

– Что ж, жаль, что твой отец не является дилером «Тойоты».

– Верно. Мой отец умер.

Она дернула плечом.

– Ты сама это сказала, я ни при чем.

– Слушай, я думаю, будет лучше, если мы отныне перестанем задевать друг друга.

Марси внимательно разглядывала ногти:

– Хорошо.

– Ладно.

– Вот и пытайся быть дружелюбной с такими людьми. Все равно все обернется против тебя! – буркнула она себе под нос.

– Дружелюбной? Ты назвала Ви жирной!

– А еще я предложила подвезти тебя! – Она вдавила педаль газа в пол, машина с визгом тронулась с места, пыль из-под колес полетела мне в лицо.

Проснувшись сегодня утром, я совершенно не собиралась искать новую причину ненавидеть Марси Миллар, но вот – пожалуйста.

Старшая школа Колдуотера была построена в конце девятнадцатого века, и здание выглядело эклектичной смесью готики и викторианской архитектуры, больше напоминая собор, чем школу. Узкие арочные окна, стекла с примесью свинца. Серый камень, местами чуть меняющий оттенок. Летом стены были снизу доверху увиты плющом, что придавало зданию особое очарование и вызывало ассоциации с Новой Англией. Зимой же плети плюща

больше всего были похожи на длинные пальцы скелета, вцепившегося в горло зданию.

Я быстро шла, почти бежала по коридору к классу химии, когда в моем кармане зазвонил мобильный телефон.

– Мам? – ответила я, не уменьшая скорости. – Я потом тебе перезво...

– Ни за что не угадаешь, на кого я вчера наткнулась. Линн Парнелл. Ты должна помнить Парнеллов. Мама Скотта.

Я глянула на время на экране телефона. Мне повезло – я все-таки поймала машину, которую вела абсолютная незнакомая мне женщина, ехавшая на занятия кикбоксингом, но я все еще опаздывала. Меньше двух минут до звонка.

– Мам! Занятия сейчас начнутся. Давай я перезвоню в обед?

– Вы со Скоттом так хорошо дружили.

В моей памяти забрезжили смутные воспоминания.

– Ага. Нам было *пять*, – сказала я. – Вроде он всегда пйсал в штаны?

– Мы вчера чудесно посидели с Линн. Она только что развелась, и они со Скоттом возвращаются в Колдуотер.

– Прекрасно. Я перезвоню тебе...

– Я пригласила их сегодня на ужин.

Я шла мимо кабинета директора, минутная стрелка на часах над дверью как раз перескочила на следующее деление – теперь она была ровно на 7.59. «Не вздумай звонить!» – заклинала я звонок. Еще чуть-чуть. Буквально совсем чуть-чуть...

– Сегодня не получится, мам. Мы с Патчем...

– Не глупи! – резко перебила мама. – Скотт один из твоих самых старых друзей. Вы с ним знакомы куда дольше Патча.

– Скотт заставлял меня есть мокриц. – В памяти всплыли новые подробности нашего общения.

– А ты никогда не заставляла его играть в Барби?

– Это совершенно другое!

– Сегодня в семь, – отчеканила мама тоном, исключая любые возражения.

Я влетела в класс и буквально в последние секунды скользнула на металлический стул перед черным гранитным лабораторным столом в первом ряду. Столы были рассчитаны на двоих, и я скрестила пальцы, чтобы я оказалась в паре с кем-то, кто разбирался в химии лучше меня, что, откровенно говоря, было совсем несложно. По натуре я была скорее романтиком, чем реалистом, и всегда отдавала предпочтение интуиции перед логикой. А точные науки этого не любят.

В класс неторопливо вплыла Марси Миллар. Она была на каблуках, в джинсах и том самом топе от *Vanana Republic*, который числился в моем списке желаний на новый школьный год: по моим подсчетам, ко Дню труда он уже должен был лежать на полке распродаж и тогда стал бы доступен моему бюджету. Я как раз мысленно вычеркивала топик из списка, когда Марси уселась на соседний стул.

– Что это у тебя с волосами? – осведомилась она. – Мусс кончился? Или терпение? – Она кривовато ухмыльнулась. – Или это оттого, что тебе пришлось пробежать шесть километров, чтобы не опоздать?

– Как насчет нашего договора? О том, чтобы не общаться друг с другом? – Я выразительно посмотрела на ее стул, потом на свой, давая понять, что полметра – этого явно недостаточно, чтобы не мешать друг другу.

– Мне от тебя кое-что нужно.

Я тихонько вздохнула, чтобы успокоиться. Мне стоило догадаться.

– Скажу честно, Марси, – начала я. – Мы обе знаем, что этот курс будет безумно сложным. Позволь оказать тебе услугу и предупредить, что точные науки мне не очень даются. Я записалась на этот курс в летней школе только потому, что слышала, что в этом семестре химия попроще. На самом деле ты не хочешь, чтобы я была твоим партнером. Это совсем не поможет тебе получить хорошую отметку.

– Разве похоже, что я села рядом с тобой из-за оценки? – Она сделала нетерпеливый жест рукой. – Ты нужна мне совсем по другой причине. На прошлой неделе я устроилась на работу.

Марси? На работу?!

Она усмехнулась, и я подумала, что, вероятно, мои мысли с легкостью читаются на моем лице.

– Я занимаюсь документацией в школьной администрации. Один из продавцов моего отца женат на секретарше из канцелярии. Никогда не помешает завести связи. Впрочем, откуда тебе об этом знать.

Я знала, что отец Марси в Колдуотере имел большое влияние. Честно сказать, его взносы в благотворительный фонд школы были настолько значительны, что он легко мог бы оказывать влияние на любого преподавателя в старших классах, но это было уж совсем нелепо.

– Так вот. Иногда личные дела учеников падают и раскрываются, и я невольно узнаю некоторые вещи о некоторых, – сказала Марси.

Ага, конечно.

– Например, я знаю, что ты все еще не пришла в себя после смерти своего отца и ходишь на консультации к школьному психологу. В сущности, я знаю все обо всех. Кроме Патча. На прошлой неделе я заметила, что его личное дело пустое. Я хочу знать, почему. Хочу знать, что он скрывает.

– Тебе-то какое дело?

– Он вчера стоял на парковке у моего дома и пялился в окно моей спальни.

Я моргнула.

– Патч стоял у твоего дома?

– Да, если только ты не знаешь еще кого-нибудь, кто ездит на «Джипе Коммандер», одевается в черное и безумно сексуален...

Я нахмурилась.

– Он сказал что-нибудь?

– Он увидел, что я смотрю из окна, и уехал. Вот я и думаю... Может, мне стоит подумать о запрете на приближение? Это вообще типично для него? Я знаю, что он себе на уме, но насколько именно?

Я не ответила, слишком потрясенная услышанным. Патч? У дома Марси? Должно быть, после того, как он уехал от меня. После того, как я сказала «я люблю тебя», и он сбежал.

– Ладно, – сказала Марси, выпрямляясь. – Есть и другие способы получить информацию, например администрация. Думаю, их всех очень интересует пустое личное дело. Я не хотела никому ничего говорить, но в целях собственной безопасности...

Меня не беспокоило, что Марси пойдет в администрацию. Патч может сам о себе позаботиться. Что меня действительно беспокоило, так это прошлая ночь. Патч внезапно

уехал, утверждая, что у него возникло срочное дело, но мне было трудно поверить, что это срочное дело привело его к дому Марси. Было куда проще поверить, что он уехал из-за того, что я сказала.

– Или полиция, – добавила Марси, постукивая пальцем по губам. – Пустое личное дело – это же противозаконно. Как Патч вообще попал в школу? Нора, ты что-то выглядишь как будто расстроенной. Я что, снова попала по больному месту? – На ее лице расплывалась улыбка удивленного удовольствия. – Так и есть, верно? Тут есть о чем поговорить!

Я остановила на ней холодный взгляд.

– Для человека, который постоянно демонстрирует, насколько его жизнь отличается от жизни других, простых смертных, ты слишком сильно интересуешься подробностями нашей никчемной и лишённой всякого смысла жизни.

Улыбка Марси исчезла.

– Мне бы не пришлось этого делать, если бы вы все не мешались постоянно у меня под ногами!

– У тебя под ногами? Эта школа тебе не принадлежит.

– Не смей со мной так разговаривать! – У Марси даже голова затряслась от злости. – А лучше вообще со мной не разговаривай!

Я подняла руки:

– Нет проблем.

– И давай-ка, двигай отсюда!

Я окинула взглядом свое место: нет, она, конечно, не имеет в виду...

– Я первая пришла.

Передразнивая меня, Марси подняла ладони вверх:

– Не мои проблемы, милочка.

– Я не собираюсь пересаживаться.

– А я не собираюсь сидеть с тобой!

– Очень рада слышать.

– Проваливай! – скомандовала Марси.

– Нет.

Звонок вынудил нас закончить перебранку. Мы оглянулись по сторонам, и я поморщилась, увидев, что все остальные места заняты.

Мистер Лоукс появился справа от меня в проходе между рядами столов, помахивая листом бумаги.

– У меня тут схема класса, – сказал он. – Каждый прямоугольник соответствует столу в классе. Напишите свое имя в соответствующем прямоугольнике и передайте лист дальше. – Он шлепнул схему на стол прямо передо мной. – Надеюсь, вам нравятся ваши соседи по парте, – добавил он. – Вам предстоит провести с ними восемь недель.

После занятий мы с Ви поехали в бистро «Энцо», наше любимое место, где можно перехватить мокко со льдом или с теплым молоком в зависимости от сезона. Я подставила лицо солнечным лучам, пока мы шли через парковку. И вдруг увидела его. Белый «фольксваген»-кабриолет с запиской «Продается за 1000 долларов» под стеклом.

– У тебя слюна течет, – сказала Ви, закрывая мой рот ладонью.

– У тебя случайно нет тысячи долларов в долг?

– У меня нет и пяти долларов в долг. Моей свинье-копилке официально

диагностировали анорексию.

Я с вождением взглянула в сторону кабриолета.

– Мне нужны деньги. Мне нужна работа.

Я закрыла глаза, представляя себя за рулем этой машины, крыша опущена, ветер развеивает мои кудри. С кабриолетом мне никогда не придется просить кого-то подвезти меня. Я смогу отправиться туда, куда захочу и когда захочу.

– Ага. Только если ты найдешь работу, тебе придется действительно работать. И, кстати, неужели ты правда хочешь пропустить все лето, занимаясь низкооплачиваемым неквалифицированным трудом? Это же можно рехнуться!

Я порылась в рюкзаке в поисках клочка бумаги и записала номер, указанный на объявлении. Может быть, удастся сторговаться с хозяином на пару сотен. Тем временем в свой список вечерних дел я добавила поиск работы с неполной занятостью по газете объявлений. Да, работа означала недолгие разлуки с Патчем, но она давала надежду вновь обзавестись личным транспортом. При всей моей любви к Патчу, он всегда был так занят... чем-то. Поэтому на него нельзя было рассчитывать в полной мере, когда нужно было меня куда-то подкинуть.

В «Энцо» мы с Ви заказали по мокко со льдом и по острому салату с орехами пекан и плюхнулись с едой за столик. За последние несколько недель «Энцо» подвергся широкомасштабной переделке, пытаюсь соответствовать скоростям двадцать первого века, и в Колдуотере появилось собственное интернет-кафе. Учитывая то, что моему домашнему компьютеру было шесть лет, я весьма радовалась этому.

– Не знаю как ты, а я готова к каникулам, – сообщила Ви, поднимая темные очки на волосы. – Восемь недель испанского. Это больше дней, чем мне хочется думать. Нам нужно отвлечься. Нам нужно что-то, что освободит наши умы от бесконечного напряжения – и к черту первоклассное образование, которое нам обещают. Нам нужен шопинг! Жди нас, Портленд! В Масы's большая распродажа. Мне нужны туфли, мне нужны платья, и мне нужны новые духи!

– Ты только что купила целую кучу новой одежды. На двести долларов. Твою маму удар хватит, когда ей придет распечатка по карте.

– Ага, но мне нужен парень. А чтобы завести парня, нужно хорошо выглядеть. И хорошо пахнуть.

Кусочек груши упал с моей вилки.

– Ты имеешь в виду кого-то конкретного?

– Собственно говоря, да.

– Только поклянись, что это не Скотт Парнелл.

– Скотт... кто?

Я улыбнулась:

– Все, теперь я спокойна.

– Я не знаю никаких Скоттов Парнеллов, но парень, на которого я положила глаз, очень привлекательный. Исключительно из ряда вон привлекательный. Привлекательнее «самого-привлекательного-на-свете-Патча», – тут она запнулась, а потом продолжила: – Ну, может, не настолько. Никто не может быть *настолько* привлекательным. Честно, я настроена очень серьезно. Пан или пропал.

Я открыла рот, но Ви опередила меня.

– Ох, – сказала она, нахмурившись. – Я знаю этот взгляд. Сейчас ты скажешь, что у тебя

на сегодня другие планы.

– Возвращаясь к Скотту Парнеллу. Он жил здесь, когда мне было пять.

Ви выглядела так, будто мучительно пытается вспомнить хоть что-то.

– Он часто пйсался в штаны, – с готовностью подсказала я.

Ее глаза вспыхнули воспоминанием:

– Скотти-мокрые-штанишки?!

– Он переезжает назад в Колдуотер. Моя мама пригласила его сегодня на ужин.

– Понятно, к чему все идет, – сказала Ви, глубокомысленно кивая. – Это называется «судьбоносное свидание». Когда пересекаются жизни двух потенциальных любовных партнеров. Помнишь, как Деси случайно вошла в мужскую уборную и застала Эрнесто над писсуаром?

Вилка замерла на полпути от тарелки к моему рту.

– Что?

– Это было в фильме «Корасон», испанской мыльной опере. Ты не смотрела? Неважно. Твоя мама хочет свести тебя с Скотти-мокрые-штанишки. И побыстрее.

– Нет, не хочет. Она знает, что я встречаюсь с Патчем.

– То, что она знает об этом, отнюдь не значит, что ей это нравится. Твоя мама готова потратить немало времени и сил на то, чтобы в уравнении «Нора + Патч = Любовь» заменить переменную «Патч» на переменную «Скотт-мок-рые штанишки». И что такого? Может Скотти-мокрые-штанишки превратился за это время в Скотти-снимай-шта-нишки. Ты о об этом не думала?

Я не думала и даже не собиралась. У меня был Патч и горячее желание, чтобы все оставалось как есть.

– Может, поговорим о чем-нибудь другом? – предложила я, пока в голову Ви не пришли уж совсем дикие идеи. – Например, о том, что моей соседкой по парте на химии стала Марси Миллар.

– Эта сучка!

– Оказывается, она работает в канцелярии и заглядывала в личное дело Патча.

– В нем все еще ничего нет?

– Видимо, да, поскольку она требовала от меня рассказать все, что я о нем знаю.

Включая то, почему он вчера вечером тусовался на ее подъездной дорожке, глаза в окно ее спальни. Однажды я слышала, что Марси подпирала окно теннисной ракеткой, чтобы дать сигнал, что готова оказать определенные «услуги» за плату, но даже думать об этом не хотела. В конце концов, все слухи на девяносто процентов состоят из лжи и выдумки.

Ви наклонилась поближе ко мне:

– А что ты знаешь?

Повисла неприятная пауза. Да, у лучших друзей не должно быть секретов друг от друга. Но секреты существуют... а еще есть правда. Страшная, сложная правда. Невообразимая правда. И то, что ты встречаешься с падшим ангелом, который является твоим ангелом-хранителем – это как раз такая правда, к которой подходят все эти три эпитета.

– Ты от меня что-то скрываешь, – сказала Ви.

– Вовсе нет.

– Вовсе да.

Снова давящая пауза.

– Я сказала Патчу, что люблю его.

Ви прикрыла рукой рот, но я не поняла, от ужаса или от смеха. Это только усилило мою неуверенность. Неужели это смешно? Неужели я сделала нечто еще более глупое, чем уже сама думала?

– И что он ответил? – спросила Ви.

Я молча отвела глаза.

– Так плохо?

Я кашлянула.

– Лучше расскажи мне о парне, который тебе нравится. В смысле – это желание на отдаленном расстоянии или ты с ним разговаривала?

Ви поняла намек.

– Общалась с ним? Мы с ним вчера обедали хотдогами у Скиппи. Это было одно из этих свиданий вслепую, и все вышло куда лучше, чем я могла ожидать. Гораздо лучше. Кстати, ты бы знала все это, если бы перезванивала мне, вместо того чтобы лизаться со своим парнем без передышки!

– Ви, я твоя лучшая подруга, и это не я устроила это свидание.

– Я знаю. Это сделал твой парень.

Я подавилась шариком горгонзолы.

– Патч устроил тебе свидание?

– Да, а что такого? – сказала Ви, будто защищаясь.

Я улыбнулась.

– Мне казалось, ты ему не доверяешь.

– Так и есть.

– Но?

– Я пыталась позвонить тебе, чтобы получить досье на этого парня, но, повторюсь, ты мне больше не перезваниваешь.

– Миссия выполнена. Я чувствую себя худшей подругой на свете, – я заговорщически ей подмигнула. – А теперь выкладывай остальное.

Ви сразу перестала делать обиженное лицо и улыбнулась мне в ответ.

– Его зовут Риксон, и он ирландец. Его акцент, или как там это называется, просто сводит меня с ума. До одури сексуально. Он выглядит худоватым, учитывая то, что у меня широкая кость, но я планирую скинуть двадцать фунтов за это лето, так что к августу все должно сравняться.

– Риксон? Не может быть! Я обожаю Риксона!

Вообще-то у меня есть правило не доверять падшим ангелам, но Риксон был исключением. Как и Патч, он не признавал границ между черным и белым, предпочитая серый цвет. Он не был идеальным, но и не был плохим. Я засмеялась, тыкая вилкой в сторону Ви.

– Не могу поверить, что ты пошла с ним на свидание! В смысле – ведь он же лучший друг Патча. А Патча ты ненавидишь.

Ви наградила меня своим кошачьим взглядом, волосы у нее почти встали дыбом!

– Лучшие друзья – это ничего не значит. Посмотри на нас с тобой. Мы же совершенно не похожи.

– Чудесно. Тогда мы можем отлично вчетвером провести все лето.

– Ну уж нет. Я не собираюсь тусоваться с твоим чокнутым парнем. Мне все равно, что ты думаешь, а я все равно считаю, что он как-то связан с загадочной смертью Жюля в

физкультурном зале.

Разговор принимал неприятный оборот.

В ночь смерти Жюля в физкультурном зале было всего три человека, и среди этих троих была я. Я никогда не рассказывала Ви всего, что случилось тогда. И не собиралась рассказывать.

Мы с Ви провели весь день на колесах, собирая анкеты для поступления на работу в местных заведениях фастфуда, и я вернулась домой почти в полседьмого. Швырнув ключи на полочку, проверила сообщения на автоответчике. Там было только одно – от мамы. Она покупала чесночный хлеб, готовую лазанью и дешевое вино в супермаркете и клялась собственной жизнью, что успеет раньше Парнеллов.

Я удалила сообщение и пошла наверх, в свою комнату. Утром я не успела привести себя в порядок, и теперь волосы у меня завились мелкими кольцами, поэтому я решила хотя бы переодеться. Все воспоминания, которые у меня остались о Скотте Парнелле, были неприятными, но все-таки выходить к ужину в таком виде не стоило.

Я как раз застегнула блузку наполовину, когда во входную дверь постучали.

За дверью стоял Патч, руки в карманах.

Обычно я прыгала при встрече прямо ему на шею. А сегодня посторонилась. Вчера, когда я призналась ему в любви, он промолчал, резко удалился и предположительно направился прямо к дому Марси. И теперь мое настроение металось где-то между жалостью к себе и уязвленной гордостью. Я надеялась, что моя сдержанность и немногословность дадут ему понять, что между нами не все в порядке и что так и будет, пока он не предпримет чего-то, чтобы исправить положение: например извинится или объяснится.

– Привет, – сказала я с напускным равнодушием. – Ты забыл позвонить мне сегодня ночью. Где же ты был?

– Поблизости. Ты пригласишь меня войти?

«И даже не собиралась».

– Приятно слышать, что дом Марси, знаешь ли, поблизости.

Мгновенная вспышка удивления в его глазах подтвердила то, во что я не хотела верить: Марси говорила правду.

– Не хочешь рассказать, что происходит? – спросила я довольно неприязненным тоном. – Не хочешь рассказать, что ты делал у нее вчера вечером?

– Ангел, ты, похоже, ревнуешь.

В голосе его звучала привычная насмешка, но на этот раз она не смягчалась обычной теплотой.

– Возможно, я не ревновала бы, если бы ты не давал мне повода, – парировала я. – Так что ты там делал?

– У меня были дела.

Я подняла брови.

– Не знала, что у вас с Марси есть общие дела.

– Есть, но ничего больше. Просто дела.

– Не желаешь рассказать подробнее? – Я уже не скрывала своего раздражения.

– Ты меня в чем-то обвиняешь?

– А мне стоит?

Обычно Патч профессионально прятал свои эмоции, но тут он поджал губы:

– Нет.

– Если в том, что ты был у нее вчера, нет ничего плохого, почему тебе так сложно объяснить, что ты там делал?

– Мне не сложно, – сказал он, тщательно подбирая слова. – Я не говорю тебе потому, что то, что я делал у дома Марси, не имеет никакого отношения к нам.

Он что, всерьез так думает? Марси была человеком, который не упускал ни единой возможности обидеть или унижить меня. Все последние одиннадцать лет она издевалась надо мной, распространяла ужасные слухи обо мне, унижала меня публично. Как же он мог всерьез полагать, что *это* «не имеет к нам отношения»?! Как мог он думать, что я просто приму *это*, не задавая вопросов? И прежде всего, неужели он не понимает, как я боюсь того, что Марси использует его, чтобы сделать больно мне? Прояви он хоть каплю заинтересованности, она бы ни перед чем не остановилась, чтобы забрать его у меня! Мысль о том, чтобы потерять Патча, была невыносима сама по себе. Но мысль о том, чтобы проиграть его Марси, просто убивала меня.

Не в силах справиться с этим внезапным страхом, я сказала:

– Не возвращайся, пока не будешь готов рассказать мне, что ты делал у ее дома.

Патч нетерпеливо прошел в дом и закрыл за собой дверь.

– Я пришел сюда не спорить. Я хотел рассказать тебе о том, что с Марси сегодня днем случилось несчастье.

Опять Марси? Он что, не видит, как стремительно увеличивается с каждым его словом пропасть между нами? Я пыталась сохранять спокойствие, слушая его, хотя мне хотелось кричать.

– Вот как? – холодно отреагировала я.

– Да. Она оказалась случайно в самом центре драки, когда группа павших ангелов пыталась заставить нефилима присягнуть на верность в мужском туалете игровых автоматов у Бо. Нефилиму еще нет шестнадцати, поэтому они не смогли бы его заставить, но они как следует покуражились. Сильно порезали и сломали ему пару ребер. И тут вошла Марси. Она слишком много выпила и перепутала женский туалет с мужским. Стоявший на шухере падший ангел воткнул в нее нож. Она в больнице, но ее скоро выпишут. Рана поверхностная.

Сердце у меня подпрыгнуло. То, что случилось с Марси, было ужасно, и я очень испугалась за нее, но ни за что на свете не хотела, чтобы Патч это видел. Я скрестила руки на груди:

– Боже, надеюсь, нефилим в порядке!

Я смутно помнила, как Патч однажды рассказывал, что падшие ангелы не могут заставить нефилимов присягнуть на верность, пока им нет шестнадцати. Точно так же он не мог принести меня в жертву, чтобы получить собственное человеческое тело, пока мне не исполнится шестнадцать. Шестнадцатилетие было загадочно магическим, даже критическим возрастом в мире ангелов и нефилимов.

Патч недовольно посмотрел на меня.

– Марси была пьяна, но есть шанс, что она помнит, что видела. Ты, конечно же, знаешь, что падшие ангелы и нефилимы стараются оставаться незаметными, а такие, как Марси, сплетники, – это угроза их секретности. Меньше всего им хотелось бы, чтобы она рассказала всему миру, что видела. Нам куда удобнее и спокойнее работать, когда люди не подозревают о существовании нашего мира. Я знаю падших ангелов, участвовавших в этом. – У него на лице появилось напряженное выражение. – Они сделают все, чтобы заставить Марси

замолчать.

Я почувствовала укол страха за Марси, но тут же отогнала его от себя. Это с каких пор Патч так волнуется за Марси? С каких пор он волнуется о ней больше, чем обо мне?

– Я пытаюсь проявить сочувствие, – сказала я, – но похоже, что ты достаточно беспокоишься о нас обеих.

Я резким движением распахнула дверь.

– Может, тебе стоит проведать Марси, убедиться, что ее *поверхностная рана* нормально заживает?

Патч перехватил мою руку и закрыл дверь ногой.

– То, что происходит, важнее тебя, меня и Марси. – Он помедлил, будто хотел сказать еще больше, но в последнюю секунду передумал.

– Ты, я и *Марси*? С каких это пор ты вставляешь нас троих в одно предложение? С каких пор она имеет для тебя значение? – со злостью сказала я.

Он обхватил свой затылок руками, словно понимая, что каждое слово, которое он скажет, может быть обращено против него.

– Просто расскажи мне, о чем ты думаешь! – закричала я. – Просто возьми и скажи! Неужели мало того, что я не знаю ничего о твоих истинных чувствах, не говоря уж о мыслях?

Патч оглянулся, словно не понимая, с кем я говорю.

– Просто взять и сказать? – с некоторым удивлением спросил он. Может быть, даже с раздражением. – Интересно, а что я пытаюсь сделать? Я мог бы попытаться, если бы ты успокоилась. Но сейчас ты впадешь в истерику независимо от того, что я скажу.

Я почувствовала, как глаза у меня сужаются.

– У меня есть право сердиться. Ты ведь молчишь о том, что делал у Марси вчера вечером.

Патч воздел руки к небу. «Опять начинается!» – вот что означал этот жест.

– Два месяца назад, – начала я, стараясь добавить гордости в свой голос, чтобы скрыть дрожь, – Ви, моя мама – все! – предупреждали меня, что ты из тех парней, которые воспринимают девушек в качестве очередного завоевания. Они говорили, я всего лишь очередной приз на твоей полке, очередная глупая девчонка, которую ты соблазняешь для того, чтобы потешить собственное самолюбие. Они говорили, что в ту же секунду, как я люблю тебя, ты меня бросишь и уйдешь, – я с трудом слотнула. – Мне нужно знать, что они ошибались.

Против моей воли в голове у меня всплыли воспоминания о прошлой ночи, унижительная сцена до ужаса отчетливо встала перед глазами. Я призналась ему в любви, и он ничего не ответил. Просто молча ушел. У его молчания могла быть сотня причин, и ни одна из них мне не нравилась.

Патч недоверчиво покачал головой.

– А ты точно хочешь, чтобы я сказал, что они ошибались? Потому что у меня такое ощущение, что ты не поверишь мне, что бы я ни сказал. – Он посмотрел на меня в упор.

– Для тебя наши отношения хоть что-нибудь значат? – не могла не спросить я. Особенно после вчерашнего вечера, когда все вдруг начало стремительно рушиться. Я вдруг поняла, что действительно не имею ни малейшего понятия о том, как Патч ко мне относится. Я думала, что много значила для него, думала, что я для него все. Но что, если я ошибалась? Что, если я всего лишь видела то, что хотела видеть? Что, если я сильно преувеличивала его чувства?

Я выдержала его взгляд, не отводя глаз. Я больше не собиралась облегчать ему задачу и

давать ему еще один шанс уклониться от ответа. Мне нужно было знать.

– Ты меня любишь?

«Я не могу ответить», – сказал он. Сказал, хотя губы его не шевельнулись. Этим даром – телепатией – обладали все ангелы, но я не могла понять, почему он решил использовать его именно сейчас.

– Я зайду завтра. Приятного тебе вечера, – коротко бросил он, направившись к двери.

– Ты притворяешься, когда мы целуемся?

Патч резко остановился. Снова недоверчиво покачал головой.

– Притворяюсь?

– Когда я прикасаюсь к тебе, ты что-нибудь чувствуешь? Хоть какое-то желание? Ты испытываешь что-нибудь подобное тому, что чувствую я?

Патч молча смотрел на меня.

– Нора... – начал он.

– Мне нужен прямой ответ.

– Эмоционально – да, – произнес он спустя мгновение:

– Но не физически, верно? Какие же между нами могут быть отношения, если я даже не представляю, что это значит для тебя? Может, мои чувства совсем другие, и их даже нельзя сравнивать с твоими? Потому что выглядит это именно так. И это ужасно, – добавила я. – Я не хочу, чтобы ты целовал меня потому, потому что так надо. Я не хочу, чтобы ты притворился, что для тебя это что-то значит, когда все это только игра!

– Только игра? Ты вообще себя слышишь? – Он прислонился затылком к стене и снова рассмеялся, а потом искоса посмотрел на меня. – Ты закончила с претензиями?

– Ты думаешь, это смешно? – Новая волна ярости накатила на меня изнутри.

– Совсем наоборот. – Прежде чем я успела что-либо ответить, он повернулся к двери. – Позвони мне, когда будешь готова поговорить разумно.

– Что это значит?

– Это значит, что ты сумасшедшая. Просто невыносимая.

– Я сумасшедшая?

Он взял меня за подбородок и быстро, довольно грубо поцеловал:

– И я, должно быть, тоже сумасшедший, раз терплю это.

Я вырвалась и с негодованием вытерла губы:

– Из-за меня ты не стал человеком, и вот что я получаю? Парня, который тусуется у Марси и не говорит мне, почему. Парня, который сбегает при первом намеке на ссору. Примерь-ка вот это: ты – подонок!

«Подонок? – телепатически ответил он, холодным и резким тоном. – Я пытаюсь соблюдать правила. Я не должен был влюбляться в тебя. Мы оба знаем, что дело – не в Марси. Дело в том, что я чувствую к тебе. Я обязан сдерживаться. Я иду по краю. Именно с моей влюбленности начались все неприятности. Я не могу быть с тобой так, как хочу».

– Почему? Почему тогда ты не стал человеком для меня, если знал, что все равно не сможешь быть со мной? – спросила я дрожащим голосом, ладони мне щипал выступивший пот. – Чего ты ждешь от наших отношений? В чем смысл, – тут мой голос прервался, и я сглотнула, хотя и очень старалась говорить ровно и спокойно, – нас?

А чего я ждала от отношений с Патчем? Ведь я должна была думать о том, куда наши отношения движутся и что будет дальше. И я, конечно же, думала. Но мне было настолько страшно от этих мыслей, что я изо всех сил притворялась, что мы сможем избежать

неизбежного. Я притворялась, что у нас с Патчем все получится, потому что в глубине души понимала: что угодно... что угодно с ним для меня было лучше, чем без него.

«Ангел».

Я подняла глаза, когда он мысленно обратился ко мне.

«Быть рядом с тобой на любом уровне лучше, чем ничего. Я не хочу потерять тебя».

Он помедлил, и впервые за все время, что я знала его, в его глазах мелькнула тревога.

«Но я уже пал однажды. Если я дам архангелам повод хотя бы только предположить, что я люблю тебя, они отправят меня в ад. Навсегда».

Эта новость просто сбила меня с ног.

– Что?!

«Я ангел-хранитель, или по крайней мере так считается, но архангелы не доверяют мне. У меня нет ни привилегий, ни права на личную жизнь. Вчера вечером двое зажали меня вечером для разговора, и я ушел с ощущением, что они очень хотят, чтобы я вновь допустил оплошность. Почему-то они затаили на меня злобу и только и ищут повода от меня избавиться. У меня испытательный срок. И если я завалю его, история закончится очень плохо».

Я смотрела на него и думала, что он наверняка преувеличивает, думала, что все просто не может, не может быть так плохо, но один взгляд на его лицо сказал мне, что он никогда не был так серьезен.

– И что же теперь будет? – вслух спросила я.

Вместо ответа Патч вздохнул. Правда была в том, что это все плохо закончится. Что бы мы ни делали, как бы ни старались остановить время и сделать вид, что ничего не происходит – очень скоро все должно будет измениться. Что будет, когда я закончу школу и уеду в колледж? Что будет, если я уеду вслед за работой своей мечты на другой конец страны? Что будет, когда мне придет пора выходить замуж и заводить детей? Я только все усложняю, влюбляясь в Патча все больше с каждым днем. Хочу ли я продолжать все это, зная, что в конечном итоге все все равно закончится крахом?

На одно короткое мгновение мне показалось, что я нашла ответ: я просто откажусь от своих мечтаний! Это несложно. Я закрыла глаза и отпустила свои мечты, как шары с длинными тонкими веревочками. Мне не нужны эти мечты. Я даже не уверена, что они сбудутся. И даже если сбудутся, я не хочу провести остаток жизни одна, терзаясь пониманием, что все, все, чего я достигла, не имеет никакого значения без Патча.

А потом я с ужасом осознала, что ни один из нас не может принести в жертву все, что у него есть. Моя жизнь должна идти вперед, и я никак не могу остановить этого. А Патч навсегда останется ангелом, он продолжит путь, по которому шел до того, как пал.

– Неужели мы ничего не можем поделать? – спросила я с отчаянием в голосе.

– Я работаю над этим.

Другими словами, ничего. Мы оба оказались в ловушке: наше будущее не было общим... и не только архангелы были тому виной.

– Нам надо расстаться, – тихо сказала я.

Я знала, что это несправедливо, и я хочу защитить себя. Что еще я могла сделать? И я не могла дать Патчу шанса отговорить меня. Я должна была выбрать лучшее для нас обоих. Нельзя держаться за то, что с каждым днем становится все более ненадежным и призрачным. И я не должна показать Патчу, как мне на самом деле больно – это еще больше все усложнит. И самое главное, я не хотела быть причиной, по которой Патч потеряет все, ради чего так

старался. Если архангелы действительно ищут повод изгнать его навсегда, я только упрощаю им жизнь.

Патч смотрел на меня, будто не веря, что я говорю серьезно.

– Расстаться? Ты хочешь расстаться? Ты устроила мне целое побоище, пытаешься вырвать из меня объяснения моего поведения, а теперь, когда моя очередь спрашивать, я должен просто проглотить твое решение и уйти?

Я обхватила себя руками и отвернулась.

– Ты не можешь заставить меня поддерживать отношения, которых я не хочу.

Он взглянул на меня:

– Можем мы об этом поговорить?

– Если ты хочешь поговорить, расскажи, что ты делал у Марси вчера.

Но Патч был прав. Дело не в Марси. Дело было в том, что я была напугана и расстроена нашей судьбой, и тем, как поворачивались обстоятельства.

Патч провел руками по лицу и коротко, невесело рассмеялся.

– Если бы я была у Риксона вчера вечером, ты бы интересовался, что происходит! – бросила я ему в лицо.

– Нет, – ответил он опасно низким голосом. – Я тебе доверяю.

Испугавшись, что растеряю всю свою решительность, если не начну действовать немедленно, я толкнула его в грудь ладонями так, что ему пришлось сделать шаг назад.

– Уходи, – сказала я звенящим от слез голосом. – У меня есть жизнь. Есть много чего, что не имеет никакого отношения к тебе. Колледж, будущая работа. Я не собираюсь потерять это все ради того, что никогда не случится.

Патч отшатнулся.

– Ты действительно этого хочешь?

– Я хочу знать, что когда целую своего парня, он это чувствует!

Не успела я произнести эти слова, как тут же пожалела о них. Я не хотела делать ему больно, просто хотела, чтобы это кончилось как можно быстрее, прежде чем я совсем расклеюсь и разрыдаюсь. Но я зашла слишком далеко. Патч окаменел. Мы стояли лицом к лицу, оба тяжело дыша.

Потом он выскочил на улицу, резко захлопнув за собой дверь.

Я прижалась к захлопнувшейся двери всем телом. Слезы жгли глаза изнутри, но плакать я не могла. Ярость и ненависть клокотали у меня в душе, заслоняя все остальные чувства и не давая слезам пролиться, но каким-то краешком сознания я понимала, что пройдет совсем немного времени, и я пойму, что натворила. И мое сердце расколется на миллионы маленьких осколков.

Я опустилась на край своей кровати, глядя в пустоту. Гнев начал утихать, но я почти мечтала, чтобы он не уходил. Опустошенность, которая его сменила, была более острой, раскаленной боли, охватившей меня после ухода Патча. Я пыталась разобраться в том, что сейчас произошло, но мысли путались. Слова, которые мы кричали друг другу в лицо, отдавались сейчас в моих ушах беспорядочным эхом, я будто вспоминала плохой сон, а не настоящий разговор. Неужели я правда рассталась с Патчем? Неужели именно этого я и хотела? Неужели нельзя избежать судьбы или, точнее, обойти правила архангелов? Ответов не было, зато у меня скрутило живот от боли и подступила тошнота.

Я поспешила в туалет и склонилась над унитазом. В ушах звенело, дыхание было поверхностным и прерывистым. Что я наделала? Ничего страшного, абсолютно точно ничего необратимого. Все еще можно исправить. Завтра мы снова увидимся, и все вновь станет так, как было. Это просто ссора. Дурацкая ссора. Это не конец. Завтра мы поймем, как это глупо, и помиримся. Мы это преодолеем. Мы помиримся.

Я поднялась на ноги и повернулась к раковине. Намочив полотенце, прижала его к лицу. Перед глазами у меня все еще все плыло и кружилось, поэтому я крепко зажмурилась, чтобы остановить это выматывающее движение. *«Но архангелы... как быть с ними?»* – снова спросила я себя. Как мы с Патчем сможем строить нормальные отношения, когда они постоянно наблюдают за нами?

Я застыла. Ведь они могли наблюдать за мной прямо сейчас. Они могли наблюдать за Патчем. Пытаться понять, перешел ли он черту. Искать любой повод, чтобы сослать его в ад, подальше от меня, навсегда.

Я почувствовала, что гнев возвращается. Почему они не могут оставить нас в покое? Почему они так хотят уничтожить Патча? Патч говорил, что он стал первым падшим ангелом, вернувшим свои крылья и ставшим ангелом-храни-телем. Неужели именно это так сильно злит архангелов? Может, им кажется, что Патч как-то обманул их? Смошенничал, поднимаясь назад со дна? Хотят поставить его на место? Или просто не доверяют ему?

Я закрыла глаза, чувствуя, как по щеке ползет слеза. *«Я возьму свои слова назад»*, – думала я. Мне отчаянно хотелось позвонить Патчу, но я боялась, что это может ему навредить. Могут ли архангелы прослушивать телефонные разговоры? Как мы вообще с Патчем можем разговаривать откровенно, если они подслушивают?

Кроме того, я не могла так быстро отбросить свою гордость. Неужели он не понимает, что тоже был неправ? Ведь изначально мы поссорились потому, что он отказался объяснить, что делал у дома Марси вчера вечером. Я не была ревнивой, но он знал нашу с Марси историю. Он знал, что это тот случай, когда я должна знать правду.

Было еще кое-что, что заставляло все у меня внутри болезненно сжиматься. Патч сказал, что на Марси напали в мужском туалете игровых автоматов у Бо. А что Марси вообще там делала? Насколько мне известно, никто из старшей школы Колдуотер не тусуется у Бо. Честно говоря, до встречи с Патчем я никогда и не слышала об этом месте. Было ли простым совпадением, что на следующий день после того, как Патч глазел в окно спальни Марси, она вдруг забрела к Бо? Патч уверял, что между ними были просто дела, но что это значит? Ведь Марси, кроме всего прочего, была вполне привлекательна и соблазнительна. И она не просто не принимала «нет» в качестве ответа, она не принимала любого ответа, отличного от того,

чего ей хотелось.

Что, если на этот раз она хотела... Патча?

Громкий стук во входную дверь прервал мои размышления.

Свернувшись калачиком на своей постели, призакрыла глаза и позвонила маме.

– Парнеллы пришли.

– Поняла. Я на светофоре у «Волната». Буду через две минуты. Пригласи их в дом.

– Я едва помню Скотта, а его маму не помню вообще. Я приглашу их войти, но не собираюсь с ними болтать. Я буду в своей комнате, пока ты не вернешься.

Я старалась, чтобы по моему тону она поняла, что со мной не все в порядке. Но в то же время я не могла быть с ней откровенной. Она ненавидела Патча. Сочувствия от нее не дождешься. А отголоски радости и облегчения в ее голосе, если она узнает, что мы расстались, меня доконают. Нет, только не сейчас.

– Нора!

– Хорошо! Я поговорю с ним, – я выключила телефон и в сердцах швырнула его в угол.

К входной двери я не торопилась, но все же открыла в конце концов.

На пороге стоял высокий и хорошо сложенный парень: футболка обтягивала его литое тело. В одном ухе серебрилось колечко, «ливайсы» низко сидели на бедрах. На голове у него красовалась розовая гавайская шляпа, какие продаются в магазине «Все по 35» – видимо, его личная примочка, а темные очки напомнили мне Халка Хогана. Несмотря на все это, он был довольно симпатичный.

Уголки его губ растянулись в улыбке:

– Ты, должно быть, Нора.

– А ты, должно быть, Скотт.

Он вошел внутрь и снял очки. Оглядел коридор, ведущий в кухню и гостиную.

– Где твоя мама?

– Едет домой с ужином.

– И что у нас на ужин?

Мне не понравилось это «нас». Не было никаких «нас». Была семья Грей и семья Парнелл. Две отдельные сущности, которые по случайности будут ужинать за одним столом сегодня вечером.

Я не ответила, и он продолжил:

– Колдуотер гораздо меньше, чем мне казалось.

Я сложила руки на груди.

– Да. И еще тут немного холоднее, чем в Портленде.

Он осмотрел меня с ног до головы и чуть-чуть улыбнулся.

– Я заметил.

Он прошел мимо меня на кухню и потянул дверь холодильника на себя.

– Пиво есть?

– Что? Нет.

Входная дверь оставалась открытой, и с улицы слышались голоса. Моя мама переступила порог с двумя коричневыми бумажными пакетами с продуктами в руках. За ней вошла круглая женщина с несуразными кудряшками и ярким макияжем.

– Нора, это Линн Парнелл, – сказала мама. – Линн, это Нора.

– Боже, боже! – закудахтала миссис Парнелл, заламывая руки. – Она так похожа на тебя, Блайз, не правда ли? Только взгляни на эти ноги! Длиннее, чем у девочек в стрип-клубе!

Я не выдержала:

– Я понимаю, это не очень вежливо с моей стороны, но я неважно себя чувствую, так что пойду прилягу...

Мама бросила на меня сердитый взгляд, и мне пришлось замолчать. Я ответила ей самым дерзким своим взглядом.

– Скотт очень попрос, правда, Нора? – спросила она.

– Ты весьма наблюдательна, мама.

Мама поставила пакеты на тумбочку и обратилась к Скотту.

– Мы с Норой немного поностальгировали утром, вспоминая все ваши проделки. Нора сказала, что ты постоянно пытался накормить ее мокрицами.

Прежде чем Скотт успел выступить в свою защиту, я вмешалась:

– Он жарил их живьем под лупой, и он не *пытался* меня ими накормить. Он сидел на мне и зажимал мой нос, пока я не открывала рот от недостатка воздуха. А потом стряхивал их мне прямо в рот.

Мама с миссис Парнелл обменялись быстрыми взглядами.

– Да, Скотт всегда был очень настойчив, – быстро сказала миссис Парнелл. – Он может уговорить людей сделать то, о чем они даже не думали. У него особая способность убеждать. Он уговорил меня купить ему «Форд-Мустанг» 1966 года в идеальном состоянии. Конечно, он застал меня врасплох, и потом я чувствовала себя такой виноватой после развода. Ну что ж. Зато Скотт, наверняка готовил мокриц лучше всех во дворе.

И они уставились на меня в ожидании подтверждения.

Я не могла поверить, что мы обсуждаем это так, будто это совершенно нормальная тема для разговора.

– Итак, – внезапно заговорил Скотт, поглаживая себя по груди – при этом бицепс его выглядел наиболее выигрышно, и он сам наверняка был в курсе этого. – Что на ужин?

– Лазанья, чесночный хлеб и салат, – с улыбкой сказала мама. – Салат делала Нора.

Это было новостью для меня.

– Я делала салат?

– Ты купила соус, – напомнила мама.

– Не думаю, что это считается.

– Салат сделала Нора, – заверила мама Скотта. – Думаю, все готово. Давайте есть?

Усевшись, мы взяли за руки, и мама благословила еду.

– Расскажи мне о домах в округе, – попросила миссис Парнелл, нарезая лазанью и кладя первый кусок на тарелку Скотта. – Во сколько мне обойдутся две спальни с двумя ванными?

– Зависит от того, какой ты хочешь ремонт, – ответила мама. – Почти все на этой стороне было построено до начала двадцатого века, и это заметно. Поженившись, мы с Харрисоном посмотрели несколько недорогих апартаментов с двумя спальнями, но всегда что-то было не так: дыры в стенах, проблемы с тараканами или парк слишком далеко. Когда я забеременела, мы решили, что нам нужно больше места. Этот дом продавался уже восемнадцать месяцев, и поэтому удалось заключить сделку, которая даже нам казалась слишком удачной. – Она осмотрелась по сторонам. – Мы с Харрисоном планировали полностью восстановить его, привести в порядок, но... ну, и потом... как ты знаешь... – Мама опустила голову.

Скотт откашлялся.

– Я сожалею о твоём отце, Нора. Я помню, как мой папа позвонил мне в ту ночь, когда

это случилось. Я работал в круглосуточном магазинчике в паре кварталов от того места. Надеюсь, они поймали убийцу.

Я попыталась выразить благодарность, но слова не шли. Мне не хотелось говорить об отце. Мне сейчас достаточно было переживаний, касавшихся Патча. Где он сейчас? Переживает ли он? Понимает ли, как сильно я хочу взять все свои слова назад? Я вдруг подумала, что он мог написать мне смс, и пожалела, что не взяла телефон с собой за стол. Но что он может мне написать? Могут ли архангелы читать смс? Насколько много они видят? И где они – они повсюду? Все эти мысли очень тревожили меня.

– А ты, Нора, – обратилась ко мне миссис Парнелл, – не расскажешь про старшую школу? В Портленде Скотт занимался рестлингом. Его команда выигрывала соревнования штата три года подряд. У вас в школе есть команда по рестлингу? Хорошая?

Я постаралась сосредоточиться на ее вопросе. Команда по рестлингу? А она у нас есть?

– Я ничего не знаю о рестлинге, – равнодушно сказала я. – Но наша команда по баскетболу однажды даже выступала на соревнованиях штата.

Миссис Парнелл подавилась вином.

– Однажды?! – Ее глаза вопросительно заметались между мной и мамой.

– Напротив канцелярии висит фотография, – продолжала я. – Судя по ней, это было по крайней мере лет шестьдесят назад.

Глаза миссис Парнелл расширились.

– Шестьдесят? – Она приложила ко рту салфетку. – Что такое с этой школой? Проблемы с тренером? Со старшим преподавателем физкультуры?

– Ничего страшного, – сказал Скотт. – Отдохну годик.

Миссис Парнелл со звоном положила вилку.

– Но ты *обожаешь* рестлинг!

Скотт положил себе еще лазаньи и равнодушно пожал плечами.

– И это твой выпускной год!

– И что? – с набитым ртом спросил Скотт.

Миссис Парнелл положила локти на стол и склонилась к нему поближе:

– А то, мистер, со своими оценками вы не попадаете в колледж! И твои спортивные успехи – единственная надежда, что хоть какой-то колледж тебя подберет!

– Ничего, мне есть чем заняться и без колледжа.

Ее брови взлетели на лоб, а в глазах отразился настоящий страх:

– Да? Как в прошлом году?

Скотт пару раз сжал челюсти и с усилием сглотнул.

– Блайз, передай салат.

Моя мама передала миску с салатом миссис Парнелл, которая поставила ее перед Скоттом как-то чересчур осторожно.

– А... что было в прошлом году? – спросила моя мама, прерывая напряженное молчание.

Миссис Парнелл пренебрежительно махнула рукой.

– Ой, ты знаешь, как это бывает. Скотт попал в переделку, обычное дело. Ничего такого, чего бы не видала мама подростка, – она засмеялась, но смех прозвучал неискренне.

– Мам, – сказал Скотт тоном, в котором явно слышалась угроза.

– Ты же знаешь этих мальчишек! – продолжала щебетать миссис Парнелл, оживленно жестикулируя вилкой. – Они же ни о чем не думают! Живут сегодняшним днем! И они такие

безрассудные. Радуйся, что у тебя дочка, Блайз. О, боже мой. У меня от этого чесночного хлеба слюнки текут. Передай кусочек, пожалуйста!

– Что ж, не будем об этом, – пробормотала мама, передавая хлеб. – Ты знаешь, у меня просто слов нет, чтобы выразить, как я рада, что вы вернулись в Колдуотер!

Миссис Парнелл энергично закивала.

– Мы просто счастливы, что вернулись! Целыми и невредимыми.

Я перестала есть, переводя взгляд с миссис Парнелл на Скотта и пытаюсь понять, что происходит. Тому, что мальчишки есть мальчишки, я верила. Настораживала меня озабоченная настойчивость, с которой она относилась к неприятности своего сына в категорию обыкновенных. И то, как внимательно следил Скотт за каждым словом, слетавшим с губ матери, только усиливало мои подозрения.

Понимая, что что-то тут не так, я приложила руку к сердцу и прочувствованно спросила:

– Боже, Скотт, ты ведь не шатался по ночным улицам, воруя дорожные знаки, чтобы повесить в своей спальне, правда?

Миссис Парнелл разразилась искренним смехом, в котором слышалось облегчение.

Бинго. Во что бы ни впутался Скотт, это не имело ничего общего с безобидным озорством, чем-то вроде воровства дорожных знаков. Будь у меня пятьдесят долларов, я бы, не задумываясь, сейчас поставила их на то, что неприятности Скотта были очень далеки от обычных шалостей.

– Ну, – сказала моя мама с преувеличенно широкой улыбкой, – уверена, что бы там ни было, это уже в прошлом. Колдуотер – отличное место, чтобы начать все с чистого листа. Ты уже записался на занятия, Скотт? На некоторые курсы запись заканчивается очень быстро, особенно в классы углубленного изучения.

– Углубленного изучения? – изумленно хохотнув, повторил Скотт. – Без обид, но я не стремлюсь к особым высотам. Как моя мама не преминула отметить, – тут он чуть наклонился в сторону миссис Парнелл и потрепал ее по плечу дружеским жестом, который мог показаться грубоватым, – даже если я и попаду в колледж, уж точно не благодаря моим оценкам.

Чтобы ни у кого за столом не было возможности сменить тему, я быстро продолжила:

– Ой, да ладно, Скотт. Ты меня интригуешь. Что такого прямо-таки ужасного в твоём прошлом? Неужели оно настолько ужасное, чтобы скрывать его от старых друзей?

– Нора... – начала была моя мама:

– Вождение в нетрезвом виде? Кража машины? Не-осторожная езда?

Под столом я почувствовала, как мама наступила мне на ногу. Ее резкий взгляд говорил: «Что это в тебя вселилось?»

Скотт резко поднялся, с громким звуком отодвинув стул:

– Где у вас туалет? – спросил он маму, оттягивая воротник футболки: – У меня, кажется, несварение.

– Вверх по лестнице, – в голосе мамы слышались оправдывающиеся нотки. Она, в общем-то, извинялась за мое поведение, а ведь это она сама устроила весь этот нелепый ужин! Любой, у кого была хоть капля мозгов и наблюдательности, понял, что смысл этого мероприятия был далеко не в том, чтобы встретиться за столом со старыми друзьями. Ви была права: это было сводничество в чистом виде! Что ж, у меня плохие новости для мамы. Скотт и я? Не выйдет.

Скотт вышел, миссис Парнелл широко улыбнулась, будто стараясь удалить из памяти

последние пять минут и начиная разговор сначала.

– Итак, скажи мне, – произнесла она слишком оживленно, – есть ли у Норы парень?

– Нет, – сказала я.

– Вроде того, – сказала мама одновременно со мной.

– Так есть или нет? – уточнила миссис Парнелл, подцепляя вилкой кусочки лазаньи и переводя взгляд с меня на маму.

– Его зовут Патч, – сказала мама.

– Странное имя, – задумчиво проговорила миссис Парнелл. – О чем только думали его родители?

– Это кличка, – пояснила мама. – Патч постоянно дерется. И его постоянно нужно залапывать.

Внезапно я пожалела, что когда-то рассказала ей об этом.

Миссис Парнелл покачала головой.

– Я думаю, это его кличка в банде. Во всех бандах используют клички. Слешер, Слейер, Маймер, Маулер, Рипер, Патч.

Я закатила глаза.

– Патч не состоит в банде.

– Это ты так думаешь, – сказала миссис Парнелл. – В бандах ведь состоят городские преступники, верно? Они как тараканы, вылезают только по ночам. – Она замолчала, и мне показалось, я видела, как ее взгляд метнулся к пустому стулу Скотта. – Времена меняются. Пару недель назад я смотрела серию «Закона и порядка» о банде молодежи из богатых семей, которая орудовала в пригородах. Они называли себя секретным обществом, кровным братством или что-то вроде того, но по сути это то же самое, что и банды. Я думала, это обычная голливудская дребедень, но отец Скотта сказал, что встречается с подобным все чаще. А он знает, он ведь полицейский как-никак.

– Ваш муж – полицейский?

– Бывший муж, будь он проклят.

«Хватит! Прекрати!» Голос Скотта прозвучал из темного коридора словно выстрел, и я даже подпрыгнула. Интересно, ходил ли он в туалет или просто стоял за дверью столовой и подслушивал. И тут я поняла, что он говорил не вслух! На самом деле...

Я была более чем уверена, что он говорил в... моих мыслях. Нет. Не в моих. В мыслях своей матери. И я почему-то услышала.

Миссис Парнелл выставила ладони вперед, словно защищаясь.

– Да, будь он проклят. Я не возьму эти слова обратно, потому что именно так и думаю.

– Я сказал, замолчи! – Голос Скотта был тихим, внушающим ужас.

Моя мама повернулась, будто только сейчас заметила, что Скотт вошел в комнату. Я с изумленным недоверием моргнула. Не могла же я на самом деле подслушать, как он телепатически говорил со своей матерью. В смысле, Скотт ведь человек... не так ли?

– Как ты разговариваешь с матерью? – с укоризной сказала миссис Парнелл, грозя ему пальцем. Но я чувствовала, что это был больше спектакль для нас, чем попытка действительно поставить Скотта на место.

Он еще пару секунд смотрел на нее холодным немигающим взглядом, а потом вышел вон, хлопнув дверью.

Миссис Парнелл вытерла рот, оставляя пятна розовой губной помады на салфетке.

– Неприятная сторона развода, – она тяжело, удрученно вздохнула. – Скотт совершенно

не умеет себя контролировать. Наверно, он растет точной копией своего отца. Впрочем, это тема неприятная и для ужина совершенно неподходящая. Патч занимается рестлингом, Нора? Держу пари, Скотт мог бы научить его паре приемов.

– Он играет в «пул», – ответила я без особого энтузиазма.

Мне не хотелось говорить о Патче. Не сейчас и не здесь. От одного упоминания его имени у меня в горле вставал ком. И я все больше жалела, что не взяла с собой за стол телефон. Я сейчас уже почти не сердилась, а это значит, что Патч тоже мог уже остыть. Достаточно ли, отправить мне смс или позвонить? Все это было так сложно, запутанно... но ведь должен же быть какой-то выход! Наверняка все не так плохо, как кажется! Мы обязательно найдем способ справиться с этим.

Миссис Парнелл кивнула.

– Поло. Вот это настоящий спорт для штата Мэн.

– «Пул». Он играет в бильярд, – поправила мама скучным голосом.

Миссис Парнелл склонила голову, будто не была уверена, что правильно расслышала.

– Рассадники преступных группировок, – наконец сказала она. – Вот в той серии, что я смотрела, как раз об этом рассказывали. Обеспеченные молодые люди из высшего общества владели собственными бильярдными, как казино в Лас-Вегасе. Так что держи ухо востро с этим своим Патчем, Нора. Возможно, у него есть стороны, которые он от тебя скрывает. Темные стороны.

– Он не в банде, – повторила я в который раз, изо всех сил стараясь оставаться вежливой.

Но сказав это, я вдруг поняла, что не могу знать наверняка, что Патч *никогда* не был в банде. Считается ли группа падших ангелов бандой? Я почти ничего не знала о его прошлом, особенно, том, что было до нашей встречи...

– Посмотрим, – скептически покачала головой миссис Парнелл. – Посмотрим.

Через час ужин был окончен, посуда вымыта, миссис Парнелл ушла выслеживать своего драгоценного Скотта, и я ретировалась к себе в комнату. Мобильник лежал экраном вверх, и я сразу увидела, что у меня нет ни новых смс, ни пропущенных звонков.

Губы у меня задрожали. Мне пришлось прижать ладони к глазам, чтобы остановить слезы, которые уже готовы были пролиться и мешали мне четко видеть. Мне не хотелось вспоминать все те ужасные вещи, что я наговорила Патчу.

Я пыталась придумать способ все исправить. Архангелы не могли запретить нам разговаривать или встречаться, по крайней мере, пока Патч был моим ангелом-хранителем. Он должен был оставаться частью моей жизни. Мы будем вести себя как обычно. И через пару дней, когда наша первая настоящая ссора забудется, все вернется в норму. И кому какое дело до моего будущего? Об этом можно подумать позже. Мне ведь необязательно планировать всю свою жизнь прямо сейчас...

Но кое-что не сходилось. Мы с Патчем провели последние два месяца, открыто демонстрируя свои чувства без каких-либо опасений. Так почему именно сейчас он забеспокоился об архангелах?

Мама засунула голову в дверь моей комнаты:

– Я поеду куплю кое-какую косметику для завтрашней поездки. Скоро вернусь. Тебе что-то нужно?

Я заметила, что она не выставила кандидатуру Скотта в потенциальные бойфренды.

Очевидно, его мутное прошлое немножко умерило ее желание свести нас.

– Нет, спасибо, мне ничего не нужно.

Она закрыла было дверь, но потом вернулась:

– У нас небольшая проблема. Я проговорила Линн, что у тебя нет машины. И она предложила, чтобы Скотт отвозил тебя в школу. Я пыталась убедить ее, что в этом нет необходимости, но, думаю, она решила, что я отказываюсь, чтобы не утруждать Скотта. Она сказала, что ты можешь оказать ему ответную услугу, проведя завтра экскурсию по Колдуотеру.

– Меня подвозит Ви.

– Я говорила, но она не приняла никаких возражений. Возможно, тебе лучше объяснить все напрямую Скотту. Поблагодари за предложение, но скажи, что у тебя уже есть кому подвезти.

То что нужно. Лишний раз поговорить лично со Скоттом.

– Мне бы хотелось, чтобы тебя подвозила Ви, – продолжала она смущенно. – Честно говоря, если вдруг Скотт решит навестить тебя, когда меня не будет дома, тебе лучше соблюдать дистанцию.

– Ты ему не доверяешь?

– Мы его не очень хорошо знаем, – осторожно сказала она.

– Но мы со Скоттом были лучшими друзьями, разве не помнишь? – Я не могла не поддеть ее.

Она многозначительно посмотрела на меня.

– Это было давно. Все меняются.

А ведь именно это я ей и говорила!

– Я просто хочу узнать о Скотте побольше, прежде чем вы начнете более тесно общаться, – продолжила мама. – Посмотрим, что я смогу выяснить, когда вернусь.

Вот это был довольно неожиданный поворот событий.

– Ты собираешься собирать на него компромат?

– Мы с Линн хорошие друзья. У нее сейчас сложная ситуация. Ей, может быть, нужен кто-то, кому можно довериться. – Она подошла к моему комоду, выдавила немного моего крема для рук на свою ладонь и растерла. – Если вдруг ей придет в голову поговорить о Скотте, я не буду ее останавливать.

– Если это поможет тебе составить на него дело, я считаю, он довольно странно вел себя за ужином.

– Его родители разводятся, – сказала она тем же нейтральным тоном. – Уверена, ему сейчас очень нелегко. Трудно терять одного из родителей.

Это она *мне* говорит?

– Аукцион заканчивается вечером в среду, и я вернусь к ужину. Ви завтра ночует у нас, верно?

– Верно, – сказала я, вспомнив, что до сих пор не обсудила это с Ви, но беспокоиться не о чем. – Кстати, я подумываю устроиться на работу.

Лучше открыть карты сразу, особенно потому, что если мне повезет, я буду работать уже к ее приезду.

Мама моргнула.

– С чего это вдруг?

– Мне нужна машина.

– Я думала, Ви тебя подвозит без проблем.

– Да, но я чувствую себя паразитом.

Мне нельзя даже тампоны купить, не позвонив Ви. Хуже того, я почти села в машину Марси Миллар сегодня по дороге в школу. Я не могла просить маму купить мне машину, зная, что денег у нее совсем нет, но и повторения сегодняшнего утра тоже допустить не могла. Я страстно желала иметь машину с тех пор, как мама продала «фиат», и сегодня кабриолет сподвиг меня на действия. Заработать на машину собственным трудом мне казалось неплохим выходом из положения.

– Думаешь, работа не помешает учебе? – спросила мама. Ее тон указывал, что она не в восторге от этой идеи. Я бы удивилась, если бы она отреагировала иначе.

– У меня всего один предмет.

– Да, но это химия.

– Не волнуйся, мам, думаю, я могу справиться и с тем и с другим.

Она присела на край моей постели.

– Что-то случилось? Ты сегодня в чудовищном настроении.

Я помедлила с ответом: мне очень хотелось сказать правду.

– Нет. Все хорошо.

– Ты выглядишь расстроенной.

– Сложный день выдался. О, и я забыла сказать: Марси Миллар – мой партнер на химии.

Мама сразу поняла, какой это для меня кошмар. В конце концов, ведь это к маме я бежала все последние одиннадцать лет моей жизни, когда Марси в очередной раз опускала меня ниже плинтуса. И это благодаря маме я шла на следующий день в школу, чувствуя себя более уверенной, мудрой и имея пару собственных шпилек в запасе.

– И так восемь недель! Восемь!

– Предлагаю сделку: если ты сможешь за эти восемь недель не убить Марси, мы поговорим о машине.

– Ты умеешь торговаться, мам.

Она поцеловала меня в лоб:

– Я рассчитываю на очень подробный отчет обо всем, что будет здесь твориться в мое отсутствие. И чтобы никаких диких вечеринок!

– Ничего не обещаю.

Через пять минут мамин «таурус» уже выезжал на шоссе, а я свернулась калачиком на диване, неотрывно глядя на экран мобильного.

Но мне никто не звонил.

Я дотронулась до цепочки Патча, которая все еще обвивала мою шею, и неожиданно для себя крепко сжала ее в руке. В голове у меня билась ужасная мысль, что это все, что у меня от него осталось.

Сон был трехцветным: черным, белым и бледно-серым.

Холодная ночь. Я стою босиком на грунтовой дороге, и дождь быстро наполняет канавы, превращая их в бурные ручейки, несущие камни и сухие ветки. Вокруг полная темнота, за исключением одной яркой точки: в нескольких сотнях метров от дороги стоит таверна из камня и дерева. В ее окнах виден свет свечей, и я как раз собираюсь направиться к таверне и укрыться там, но вдруг слышу далекий звон колокольчиков.

Когда звон становится громче, я отхожу от дороги подальше. Вижу запряженную лошадьми карету, с грохотом вылетающую из темноты. Она замирает точно на том месте, где я стояла минуту назад. Как только колеса останавливаются, кучер спрыгивает на землю, прямо в жидкую грязь, пачкая сапоги. Он открывает дверь кареты и отходит на шаг.

Появляется темная фигура. На плечи наброшен плащ, развевающийся на ветру, капюшон поднят, закрывая лицо.

– Жди тут, – говорит он кучеру.

– Милорд, очень сильный дождь...

Мужчина в плаще кивает в сторону таверны.

– У меня дела. Это не должно занять много времени. Держи лошадей наготове.

Кучер бросает быстрый взгляд на таверну.

– Но, милорд, там собирается всякий сброд, воры и проходимцы. И сегодня что-то дурное витает в воздухе. Прямо нутром чувствую! – Он потирает руки, будто пытаюсь согреться. – Милорд, возможно, вам стоит поторопиться домой к леди и малышам.

– Ничего не рассказывай об этом моей жене! – Человек в плаще, не сводя взгляда с таверны, стягивает перчатки. – Ей и так есть о чем беспокоиться, – бормочет он.

Я смотрю на таверну, на зловещее мерцание света в ее маленьких кривых окошках. Крыша у нее кривая, скошенная вправо, будто строили ее пьяные строители, не имея исправных инструментов. Вокруг буйно разрослись сорняки, а из самого заведения доносятся разнузданные крики, сопровождающиеся звуками бьющегося стекла.

Кучер утыкается носом в рукав своего пальто.

– Двух лет не прошло, как мой собственный сын умер от чумы. Какой ужас то, что происходит с вами и леди!

В наступившей тишине лошади нетерпеливо перебирают ногами, от их шкур идет пар, из ноздрей вырываются маленькие облачка теплого воздуха. Все это настолько настоящему, что мне становится страшно. Никогда еще мне не снились столь реальные сны.

Мужчина в плаще по дорожке, вымощенной булыжником, идет к таверне. Он как будто уносит сон за собой, и, после минутного колебания, я следую за ним, словно боюсь тоже исчезнуть, если отстану. Я проскальзываю прямо за ним в дверь таверны.

По центру задней стены стоит огромная печь с кирпичным дымоходом. Разномастные деревянные миски, жестяные кружки висят на больших гвоздях на стене напротив. В углу стоят три бочки. Облезлый пес клубком свернулся перед ними и спит. На полу валяются опрокинутые стулья, грязная посуда и кружки. Сам пол земляной, гладко утрамбованный, засыпанный чем-то вроде древесной стружки. Как только я ступаю на него, мои пятки тут же покрываются грязью и пылью. Я мечтаю только о горячем душе. И тут вдруг замечаю посетителей, сидящих за разными столиками таверны. Их порядка десяти.

У большинства мужчин волосы до плеч и странные, клинообразные бороды. Узкие брюки заправлены в высокие сапоги, рукава рубашек засучены. Широкополые шляпы на их головах напоминают мне о пилигримах.

Мне, безусловно, снилось далекое прошлое, и поскольку детали были такими яркими, я должна была бы хоть в общих чертах понять, какие времена мне снились. Но я была в растерянности. Скорее всего – Англия, но где-то с пятнадцатого по восемнадцатое столетие. Я получила пятерку по мировой истории в этом году, но в тестах не было ничего об одежде. И ничего о том, что я сейчас видела.

– Я кое-кого ищу, – говорит человек в плаще хозяину таверны, стоящему за высоким столом, который, наверное, служит в качестве барной стойки. – У меня назначена встреча с ним сегодня, но, боюсь, я не знаю его имени.

Хозяин, невысокий человек, лысый, если не считать пары похожих на проволоку, торчащих на макушке волосков, внимательно изучает человека в плаще.

– Не хотите выпить? – спрашивает он, показывая неровные черные пеньки вместо зубов. Я чувствую, как на меня накатывает тошнота, и отхожу в сторону.

Мужчина в плаще подобного отвращения не проявляет, он просто отрицательно качает головой.

– Мне нужно найти этого человека как можно быстрее. Мне сказали, что вы сможете помочь.

Гнилая улыбка хозяина гаснет.

– Угум-с, я могу помочь вам найти его, милорд. Но вы уж поверьте старику и выпейте стаканчик, а лучше и не один. Что-нибудь согревающее кровь в холодную ночь, – и он подвигает гостю маленький стакан.

Мужчина опять качает головой в капюшоне.

– Боюсь, я вынужден торопиться. Скажите мне, где найти его.

И он кладет на стол пару истертых монет.

Хозяин убирает монеты в карман. Кивнув в сторону задней двери, он говорит:

– Он в той чаше. Но, милорд, будьте осторожны. Ходят слухи, что чаша заколдована. Ходят слухи, что оттуда никто не возвращался.

Человек в плаще наклоняется над разделяющим их столом и говорит почти шепотом:

– Я хочу задать вам личный вопрос. Вы что-нибудь знаете про еврейский месяц хешван?

– Я не еврей, – резко отвечает хозяин, но что-то в его глазах дает мне понять, что ему не впервые задают подобный вопрос.

– Человек, с которым я должен встретиться, сказал найти его в первую ночь хешвана. Он сказал, что я должен буду служить ему в течение целых двух недель.

Владелец заведения потирает подбородок.

– Две недели это долго.

– Слишком долго. И я бы не пришел, если бы не боялся того, что он может сделать в случае моего непослушания. Он назвал мою семью по имени. Он *знает* их. У меня прелестная жена и четверо сыновей. Не хочу, чтобы они пострадали.

Хозяин понижает голос, словно собираясь поделиться какой-то неприличной сплетней:

– Человек, с которым вы пришли встретиться... – И он замолкает, подозрительно глядя по сторонам.

– Он обладает *необыкновенным* могуществом, – произносит человек в плаще. – Я уже видел его силу раньше. И пришел договориться с ним. Не может же он ожидать, что я брошу

свои обязанности и семью на столь долгое время. Он внемлет голосу разума.

– Я ничего не знаю о его разумности, – роняет его собеседник.

– Мой младший сын болен чумой! – у мужчины в плаще от отчаяния дрожит голос. – Доктора считают, что он скоро умрет. Я нужен своей семье. Я нужен своему сыну!

– Выпейте, – успокаивающе повторяет хозяин и снова слегка подвигает ему стакан.

Мужчина резко отворачивается от стола и идет к задней двери. Я за ним.

Снаружи я шлепаю за ним босыми ногами через ледяную грязь. Дождь продолжает лить, и я пытаюсь идти осторожно, чтобы не поскользнуться. Вытирая мокрое лицо, я вижу, как плащ мужчины исчезает среди деревьев на краю леса.

Я ковыляю за ним, останавливаюсь у деревьев. Убирая с лица ладонями мокрые волосы, всматриваюсь в глубокие тени впереди.

Какое-то движение, и внезапно мужчина в плаще уже бежит назад, мне навстречу. Он спотыкается и падает. Пытается встать на ноги. Плащ цепляется за ветки; в исступлении человек сдирает его с себя, царапает себе шею. В глазах его плещется ужас, руки бешено молотят воздух, тело конвульсивно дергается.

Я бегу к нему, продираясь через колючие ветки, камни впиваются в мои босые ноги. Падаю перед ним на колени. Он все еще в капюшоне, но я вижу его рот, слегка приоткрытый, застывший в крике.

– Перевернись же! – кричу я ему, пытаюсь выпутать его из плаща.

Но он меня не слышит.

Впервые сон начал выезжать на знакомые рельсы. В этом кошмаре все было точно так же, как и в каждом моем кошмаре: чем больше я старалась, тем недостижимее становилось то, чего я добивалась.

Я хватаю его за плечи и трясу.

– Перевернись! Я могу тебя вытащить, но ты должен помочь мне!

– Меня зовут Барнабас Андервуд, – вдруг хрипло и невнятно произносит он. – Ты знаешь, как добраться до таверны? Хорошая девочка! – Он похлопывает воздух, будто чью-то воображаемую щеку.

Я застываю. Не может быть, что он меня видит. Ему чудится другая девочка. Должна же быть какая-то девочка, раз он с ней разговаривает.

– Беги туда и попроси хозяина прислать помощь, – продолжает он. – Скажи ему, что это – не человек. Скажи ему, это один из ангелов дьявола пришел захватить мое тело и погубить мою душу. Скажи ему немедленно послать за священником, святой водой и розами.

При упоминании ангелов дьявола волосы на моих руках встают дыбом.

Он поворачивает голову к лесу, жилы у него на шее вздуваются.

– Ангел! – в ужасе шепчет он. – Ангел идет!

Его рот кривится, он будто борется с кем-то невидимым за контроль над собственным телом. Он сильно выгибается назад, и капюшон падает с его лица.

Я все еще сжимаю плащ, но руки у меня слабеют. Я смотрю на мужчину, и вздох изумления застревает у меня в горле. Это не Барнабас Андервуд.

Это Хэнк Миллар. Отец Марси.

Я проснулась и открыла глаза.

В окно светило яркое солнце, и легкий утренний бриз ласкал свежим дыханием мою кожу. Сердце у меня все еще колотилось как сумасшедшее после кошмара, но я сделала пару

глубоких вдохов и убедила себя, что это был просто сон. Говоря откровенно, теперь, когда я твердо стояла на ногах в своем собственном мире, меня гораздо больше беспокоило, что мне приснился отец Марси Миллар, чем сам кошмар. И торопясь забыть об этом, я постаралась выкинуть этот дурацкий сон из головы.

Я вытащила мобильник из-под подушки и проверила сообщения. Патч не звонил.

Уткнувшись в подушку, я попыталась не обращать внимания на ощущение сосущей пустоты внутри. Сколько часов прошло с тех пор, как Патч ушел? Двенадцать. Сколько пройдет до того, как я его увижу? Не знаю. И вот это меня действительно беспокоило. Чем больше проходило времени с момента нашего расставания, тем прочнее становилась ледяная стена между нами.

«Нужно просто пережить сегодняшний день», – сказала я себе, глотая ком в горле. Эта дистанция между нами – она не навсегда. Просто лежать в постели, не выходя из дома целый день – это не выход. Я, может быть, сегодня увижу Патча. Возможно, он даже заедет в школу. Или я могла бы позвонить ему. Я старалась сосредоточиться на этих смешных мыслях и не думать об архангелах. Об аде. О том, как я боюсь, что никому из нас – ни мне, ни Патчу – не удастся найти решение вставшей перед нами проблемы.

Я встала с постели. На зеркале в ванной был приклеен желтый стикер:

«Хорошая новость: я убедила Линн не посылать Скотта отвезти тебя утром. Плохая новость: Линн настаивает на экскурсии. Не уверена, что ответ „нет“ сработает. Можешь показать ему окрестности после занятий? Это не займет много времени. Серьезно – совсем немного. Его номер телефона на тумбочке в кухне.»

Целую, целую. Мама

P.S. Я позвоню тебе вечером из отеля».

Я застонала и прижалась лбом к зеркалу. Я не хотела проводить со Скоттом ни единой минуты, что уж говорить о паре часов!

За сорок минут я приняла душ, оделась и проглотила миску овсянки с клубникой. Во входную дверь постучали – на пороге улыбалась Ви.

– Готова к очередному полному веселью дню в летней школе? – спросила она.

Я сняла рюкзак с крючка для верхней одежды.

– Давай просто переживем этот день, ладно?

– Ого. Кто написал тебе в хлопья?

– Скотт Парнелл.

«Патч».

– Я смотрю, его проблемы с недержанием так и не прошли со временем.

– Я должна устроить ему экскурсию по городу после уроков.

– Погулять с мальчиком наедине. Что плохого?

– Ты просто не была здесь вчера вечером. Ужин был наистраннейший. Мама Скотта начала рассказывать нам о его проблемном прошлом, но Скотт прервал ее. Не просто остановил, это выглядело почти так, будто он угрожает ей. Потом он извинился, чтобы выйти в туалет, но в результате подслушивал нас из коридора.

«А потом он мысленно говорил со своей мамой. Возможно».

– Похоже, что он не хочет, чтобы кто-то копался в его жизни. И похоже, что нам обязательно стоит-таки в ней покопаться.

Я шла на пару шагов впереди Ви, когда меня вдруг осенило:

– У меня отличная идея! – сказала я, поворачиваясь к ней. – Почему бы тебе не устроить Скотту экскурсию? Нет, серьезно, Ви, он тебе понравится! Он тот самый плохой парень-анархист, которые тебе так нравятся. Он даже спросил, есть ли у нас пиво. Возмутительно, правда? Думаю, он как раз по твоей части.

– Не могу. Я обедаю с Риксоном.

Меня как будто током ударило. Мы с Патчем тоже собирались пообедать вместе сегодня, но я почему-то сомневалась, что обед состоится. Что я наделала! Я должна позвонить ему. Я должна найти способ поговорить с ним. Нельзя, чтобы все закончилось вот так. Это абсурд.

Но тонкий, очень тихий голосок внутри меня, который я презирала, спросил, почему же он не позвонил первым. Ему ведь тоже есть, за что попросить прощения, не только мне.

– Я заплачу тебе восемь долларов и тридцать два цента за прогулку со Скоттом, и это последнее предложение, – сказала я.

– Заманчиво, но нет. И кстати, раз уж зашел разговор. Патч вряд ли будет прыгать от счастья, если вы со Скоттом возьмете в привычку проводить вместе время. Не пойми меня неправильно. Меня совершенно не заботит, что там себе думает Патч, и если ты хочешь свести его с ума – все в твоих руках. И все же, я подумала, нужно тебе сказать.

При упоминании имени Патча я оступилась на ступеньках крыльца и чуть не упала. Надо было рассказать Ви, что я рассталась с ним, но я была не готова сказать это вслух. Я чувствовала, как мой мобильник, на экране которого красовалась фотография Патча, жжет мне карман. Одна часть меня хотела швырнуть телефон в кусты на противоположной стороне дороги. Другая не могла смириться так быстро. Кроме того, если я скажу Ви, она неизбежно начнет умничать, что разрыв дает нам возможность встречаться с кем-то другим, а это совершенно неправильно. Я не собиралась искать кого-то другого, и, я надеялась, Патч тоже. Это просто притирка. Наша первая настоящая ссора. Мы не расстались навсегда. Под влиянием эмоций мы просто наговорили друг другу много лишнего...

– На твоём месте я бы что-нибудь наврала, – сказала Ви, громко стуча своими десятисантиметровыми каблуками по лестнице позади меня. – Я всегда так делаю, когда выхода нет. Позвони Скотту и скажи, что твою кошку тошнит мышинными внутренностями, и тебе нужно отвезти ее к ветеринару после школы.

– Он был у меня дома вчера вечером. Он знает, что у меня нет кошки.

– В таком случае, если у него в голове мозги, а не переваренные спагетти, он поймет, что ты в нем не заинтересована.

Я задумалась. Если мне удастся избежать экскурсии в компании Скотта, то, возможно, я смогу одолжить машину у Ви и последить за ним. Стараясь разобраться в том, что произошло вчера, я никак не могла отделаться от ощущения, что Скотт действительно вчера говорил со своей матерью посредством телепатии. Еще год назад я бы отбросила эту идею как смехотворную. Но теперь все было иначе. Патч бесчисленное число раз мысленно говорил со мной. Как и Чонси, он же Жюль, нефилим из моего прошлого. Поскольку падшие ангелы не стареют, а я знаю Скотта с пяти лет, то версию с ангелами можно сразу исключить. Но даже если Скотт не был падшим агнелом, он все еще мог быть нефилимом.

Но если оннефилим, что он делает в Колдуотере? Почему он живет жизнью обычного

подростка? Знает ли он, что он – нефилим? Знает ли Линн? Дал ли уже Скотт клятву верности падшему ангелу? Если нет, должна ли я предупредить его о том, что ждет его? Мы с ним не поладили с первой секунды, но все же это не значит, что каждый год он должен отдавать свое тело на две недели.

Конечно, он мог и не быть нефилимом. Может, мои мысли просто ушли не в ту сторону, потому что мне вдруг померещился этот его мысленный разговор с матерью.

После занятий я распахнула шкафчик, сунула туда учебник и достала рюкзак и мобильник, а потом вышла в боковую дверь, откуда было хорошо видно парковку для учеников. Скотт сидел на капоте своего «мустанга» цвета «голубой металлик». На нем все еще была гавайская шляпа, и я вдруг поняла, что не узнала бы его без нее. Например, я даже не знала, какого цвета у него волосы. Я вынула записку, оставленную мамой, и набрала его номер.

– Это, должно быть, Нора Грей, – ответил он. – Надеюсь, ты не собираешься меня кинуть.

– Плохие новости. Моя кошка заболела. Ветеринар смог записать меня на двенадцать тридцать. Придется перенести экскурсию на другой раз. Извини, – закончила я, с удивлением обнаруживая, что чувствую себя страшно виноватой. В конце концов, это ведь просто маленькая ложь. И я ни йоту не верила, что Скотт уж так мечтал об этой экскурсии по Колдуотеру. По крайней мере, этим я успокаивала свою совесть.

– Ясно, – сказал Скотт и повесил трубку.

Я только успела закрыть крышку телефона, как сзади появилась Ви.

– Так легко и изящно послать его! Моя школа.

– Ты не против, если я возьму твой «неон» сегодня днем? – спросила я, наблюдая, как Скотт вылезает из своего «мустанга», разговаривая по телефону.

– Зачем тебе?

– Хочу последить за Скоттом.

– Но зачем? Утром ты совершенно ясно дала понять, что он тебе не нужен.

– Что-то в нем... не так.

– Ага. Его темные очки. Халк Хоган, не иначе! В любом случае прости, не могу. Я обедаю с Риксоном.

– Ну да, Риксон как раз может тебя отвезти, а я возьму «неон». – Я взглянула в окно на Скотта. Боялась, что он уедет раньше, чем мне удастся выпросить у Ви ключи от машины.

– Конечно, он может. Но тогда я буду выглядеть так, будто нуждаюсь в чем-то. А парням сегодня нужны сильные, независимые женщины.

– Если ты разрешишь мне взять «неон», я его заправлю.

Ви чуть-чуть смягчилась.

– Полный бак?

– Полный бак.

Или сколько смогу купить бензина на восемь долларов и тридцать два цента.

Ви прикусила губу.

– Хорошо, – медленно сказала она. – Но, может, мне стоит поехать с тобой и убедиться, что не случится ничего плохого.

– А как же Риксон?

– Если я взяла и напоролась на сексуального парня, это не значит, что я брошу лучшую подругу в беде. Кроме того, у меня такое чувство, что тебе пригодится моя помощь.

– Ничего плохого не случится. Я буду у него на хвосте. Он и не узнает, что я слежу за ним.

Но мне было приятно, что она предложила. Последние несколько месяцев изменили меня. Я больше не была такой наивной и безбашенной, как раньше, и мысль взять с собой Ви понравилась мне с самого начала по нескольким причинам. Особенно если Скотт – нефилим. Единственный знакомый мне нефилим пытался убить меня.

Ви позвонила Риксону и отменила встречу, и мы стали ждать, пока Скотт не уселся за руль и не покинул стоянку. Мы кинулись за ним на машине Ви – «Додж-Неон» 1995 года.

– Ты веди, – Ви бросила мне ключи.

Спустя несколько минут мы почти догнали «мустанг» Скотта, и я стала держаться в трех машинах от него. Скотт выехал на шоссе и поехал на восток, я за ним.

Примерно через полчаса Скотт зарулил на стоянку у торгового центра на берегу. Я медленно ехала за ним, стараясь не упускать его из виду, но не попадаясь ему на глаза, и припарковалась в двух рядах от его машины.

– По-моему, Скотти-мальш решил сходить за покупками, – сказала Ви. – И кстати, раз уж речь зашла о шопинге, может быть, я могу посмотреть себе шарфик, раз уж свидание мое не состоялось? Риксон говорит, ему нравится, когда девушки носят шарфики, а у меня, как назло, ни одного в гардеробе нет.

– Иди.

Я следила за Скоттом, прячась за спинами других людей, видела, как он вошел в магазин одежды и вышел оттуда минут через пятнадцать с пакетом в руках. Потом он направился в другой магазин и пробыл там десять минут. В его поведении не было ничего необычного, ничего, что могло бы заставить меня думать, что он нефилим. После третьего магазина внимание Скотта привлекла группка смешливых девушек-студенток, обедавших на террасе кафе за столиком под зонтиком и одетых в короткие топы и ультракороткие мини. Скотт достал свой телефон и сделал несколько снимков этих девушек.

Я отвернулась и поморщилась, глядя на свое отражение в стеклянной витрине кафе.

И тут я увидела *его*. Он сидел внутри. Одет в брюки-хаки, голубую рубашку и льняной блейзер. Его светлые волосы стали длиннее, и он стянул их в хвост сзади. Он читал газету.

Мой отец.

Вот он сложил газету, встал и направился в глубь кофейни.

Я тут же рывком распахнула дверь и ворвалась внутрь. Отца не было видно – он растворился в толпе. Я побежала за ним дальше в зал, отчаянно оглядываясь по сторонам. Выкрашенный в черно-белые цвета коридор заканчивался туалетами: мужской – налево, женский – направо. Другого выхода здесь не было, значит, отец пошел в мужской туалет.

– Что это ты тут делаешь? – раздался у меня за спиной голос Скотта.

Я обернулась.

– Как ты... что... *что ты здесь делаешь?*

– Я хотел спросить тебя о том же. Вообще-то я знаю, что ты за мной следила. И не делай вид, что удивлена. Существует такая штука, как зеркало заднего вида. У тебя есть какие-то особые причины преследовать меня?

У меня в голове был полный сумбур, и реагировать на его слова мне было некогда.

– Зайди в мужской туалет и посмотри, есть ли там внутри мужчина в голубой рубашке!

Скотт слегка постучал мне по голове:

– Наркотики? Расстройство поведения? Ты ведешь себя как шизофреничка.

– Просто сделай это!

Скотт пнул дверь и вошел внутрь. Я услышала, как хлопают двери кабинок, и через мгновения он уже вышел обратно.

– Никого.

– Я видела, как мужчина в голубой рубашке шел сюда. Больше ему некуда было деваться!

Я снова посмотрела на входную дверь в конце зала – больше никаких дверей здесь не было. Зашла в женский туалет и проверила все три кабинки, уже заранее зная, что никого там не найду. В горле стоял комок, который мешал мне дышать.

Поняв, что не дышу уже довольно давно, я попыталась расслабиться. Меня обуревали сразу несколько чувств, главными из которых были разочарование и страх. Я видела моего отца. Он жив. Но это всего-навсего мое воображение решило сыграть со мной злую шутку. Ведь мой отец умер. Он ушел и никогда больше не вернется. И мне нужно найти способ принять это.

Я сползла спиной по стене туалета на пол и затряслась от рыданий.

Скотт стоял на пороге туалета, скрестив руки на груди.

– Так вот как женский туалет выглядит изнутри. Должен признать, тут куда чище, чем в мужском туалете.

Я сидела опустив голову и вытирала нос тыльной стороной ладони.

– Не оставишь меня в покое?

– Я не уйду, пока ты не расскажешь, почему следила за мной. Я, конечно, знаю силу своих чар, но твое поведение все-таки начинает смахивать на нездоровую одержимость.

Я поднялась на ноги и умылась холодной водой. Стараясь не смотреть на отражение Скотта в зеркале, взяла бумажное полотенце и вытерла лицо.

– И расскажи мне, кого искала в мужском туалете, – сказал Скотт.

– Мне показалось, что я увидела своего отца, – выпалила я, стараясь гневом и раздражением замаскировать эту оглушительную боль в душе. – Здесь. Доволен?

Я скомкала полотенце, бросила его в мусорку и уже направлялась к выходу, когда Скотт закрыл дверь и прислонился к ней, не давая мне пройти.

– Когда они найдут убийцу и дадут ему пожизненное, тебе станет легче.

– Спасибо за худший совет, который мне когда-либо доводилось получать, – с горечью ответила я, думая, что легче мне стало бы, если бы мой отец вернулся.

– Поверь мне. Мой отец – полицейский. Он живет ради того, чтобы сказать членам семьи убитого, что нашел убийцу. Они найдут парня, разрушившего твою семью, и заставят его заплатить. Жизнь за жизнь. Тогда ты обретешь покой. Пошли отсюда. Я чувствую себя придурком, стоя в женском туалете. – Он подождал. – Это должно было заставить тебя улыбнуться.

– Я не в настроении улыбаться.

Он переплел пальцы рук на затылке и пожал плечами, на лице его была написана неловкость – он явно ненавидел попадать в подобные щекотливые ситуации и не очень-то представлял себе, как из них выбираться.

– Слушай, я играю в «пул» в Спингвейле сегодня вечером. Не хочешь?

– Нет, я пас.

Я совсем не хотела играть в пул. И одно только упоминание о «пуле» вызвало у меня в душе целый поток воспоминаний, связанных с Патчем.

Я вспомнила самый первый вечер, когда погналась за ним, чтобы доделать задание по биологии, а обнаружила играющим в бильярд в подвале у Бо. Я вспомнила, как он учил меня играть. Вспомнила, как он стоял у меня за спиной так близко, что я чувствовала электрические разряды.

Больше того, я вспомнила, как он всегда появлялся, когда был нужен мне. Но он был нужен мне сейчас. Где же он? Думает ли обо мне?

Я стояла на крыльце, перерывая рюкзак в поисках ключей. Мокрые туфли оставляли на крыльце следы, а мокрые джинсы неприятно липли к коже. После слезки за Скоттом Ви затащила меня в несколько бутиков, требуя моего мнения по поводу шарфиков, и пока я делилась своими мыслями о преимуществах шарфа из сиреневого шелка перед шарфом невыразительного цвета, но зато раскрашенного вручную, с моря налетела гроза. Пока мы

добежали до парковки и запрыгнули в «неон», успели промокнуть до нитки. Всю дорогу до дома мы держали печку включенной, но мои зубы стучали, а одежда напоминала лед, вросший в кожу, и меня все еще трясло от мысли, что я видела своего отца.

Я толкнула разбухшую от воды дверь, а потом вслепую тыкала пальцами в стену, пока не нащупала выключатель. В ванной наверху я выбралась наконец из мокрой одежды и развесила ее сушиться. За окном молнии зигзагами резали небо сверху вниз, а гром гремел так, будто танцевал джигу у меня на крыше.

Мне уже не раз приходилось быть дома одной во время грозы, но привыкнуть к этому я так и не могла. Сегодняшняя гроза не была исключением. Ви должна была бы сейчас быть со мной, но она решила встретиться с Риксоном на пару часов, раз уж отменила обед с ним. Мне хотелось вернуться во времени назад и сказать ей, что я сама прослежу за Скоттом, только пусть она составит мне компанию дома сегодня вечером.

Свет в ванной дважды мигнул. И тут же погас совсем, оставив меня обескураженно стоять в полной темноте. Дождь бросался на оконное стекло, растекаясь по нему потоками. Я немного постояла в ожидании, что электричество снова включится. Дождь превратился в град, он с такой силой лупил по окнам, что было страшно за стекла.

Я позвонила Ви.

– У меня только что свет выключился.

– Ага, и уличное освещение только что сдохло.

– Не хочешь приехать и составить мне компанию?

– Дай подумать... Не особенно.

– Ты обещала, что переночуешь у меня.

– Да. А еще я обещала Риксону встретиться с ним в «Тако Белл». Я не собираюсь отменять встречу с ним второй раз за день. Дай мне пару часов, а потом я вся твоя. Я позвоню тебе, когда освобожусь. Я сто пудов вернусь до полуночи.

Я повесила трубку и напрягла память, пытаюсь вспомнить, где в последний раз видела спички. Было не настолько темно, чтобы зажигать свечи, но мне хотелось как можно больше сильнее осветить дом, особенно пока я тут сижу в одиночестве. Огонь поможет мне не подпускать близко монстров из моего воображения.

На столе в столовой были свечи в подсвечнике, вспомнила я, заворачиваясь в полотенце и спускаясь по лестнице вниз. А в шкафах были столовые свечи. Но где же спички?

В поле за домом мелькнула какая-то тень, и я повернулась к кухонному окну. Ливень стеной стекал по оконным стеклам, искажая мир снаружи, и я подошла поближе, чтобы посмотреть внимательнее. Что бы это ни было, оно исчезло.

«Койот», – сказала я себе, чувствуя внезапный прилив адреналина. Просто койот.

Громко зазвонил телефон в кухне, и я сразу схватила трубку, одновременно замирая от страха и радуясь, что услышу человеческий голос. «Пусть это будет Ви. Пусть она скажет, что передумала и уже едет ко мне!» – молилась я про себя.

– Алло?

Я подождала.

– Алло?

Ничего, кроме треска помех.

– Ви? Мам?

Краем глаза я увидела еще одну тень, крадущуюся по полю. Глубоко вздохнув, чтобы успокоиться, я напомнила себе, что никакая реальная опасность мне угрожать не может.

Возможно, Патч уже не мой парень, но он все еще мой ангел-хранитель. Если бы мне что-то угрожало, он бы уже был здесь. Хотя... Вдруг я засомневалась, могу ли еще рассчитывать на Патча в чем-либо.

Он, должно быть, меня ненавидит, думала я. Не хочет иметь со мной ничего общего. Он наверняка все еще сердится и поэтому даже не попытался связаться со мной.

Думать об этом мне не стоило – я только снова разозлилась. Я же беспокоюсь о нем, а ведь он, где бы ни был, скорее всего обо мне не беспокоится! Он сказал, что не примет моего решения расстаться просто так, но именно так он и поступил! Он не написал ни одной эсэмэски и не позвонил. Он не сделал ничего. Хотя у него были все основания для этого. Он мог бы постучать в мою дверь в любой момент и рассказать, что делал у Марси два дня назад. Он мог бы рассказать, почему уехал, когда я призналась ему в любви.

Да, я была очень сердита. Только на этот раз я не собиралась бездействовать.

Я со злостью швырнула телефонную трубку на место и нашла в мобильном номер Скотта. Я забуду об осторожности и приму его предложение встретиться. Конечно, я понимала, что собираюсь встретиться со Скоттом по совершенно неверным мотивам. Я хотела показать Патчу средний палец. Если он думает, что я буду сидеть дома и плакать о нем, он ошибается! Мы расстались, и я могу свободно встречаться с другими парнями. А еще таким образом я хотела проверить способность Патча охранять меня. Возможно, Скотт действительно нефиллим. Возможно, он даже опасен. Возможно, он как раз из тех парней, от которых мне стоит держаться подальше. Я почувствовала, что широко улыбаюсь: было совершенно не важно, что я собиралась делать или что мог сделать Скотт – Патч был обязан меня защитить.

– Ты уже уехал в Спрингвейл? – спросила я Скотта, потыкав в кнопки телефона.

– Ты решила, что потусить со мной и не так уж плохо?

– Будешь выпендриваться, никуда не поеду.

В его голосе зазвучала улыбка:

– Расслабься, Грей, я тебя просто дразню.

Я обещала маме держаться подальше от Скотта, однако не переживала, что нарушаю свое обещание: если он задумает что-то плохое, Патчу придется вступить в игру.

– Ну? – спросила я. – Ты за мной заедешь или что?

– Я заскочу после семи.

Спрингвейл – маленький рыбацкий поселок, и он почти весь помещается на главной улице: почта, пара закусочных, подающих рыбу с картошкой фри, магазины рыболовных снастей и бильярдная «Z».

Здание бильярдной было одноэтажным, с витринным окном, через которое было видно все внутреннее помещение и бар. Вокруг валялся мусор и росли сорняки. Двое бритых налысо мужчин с козлиными бородами курили на дорожке прямо у дверей – они бросили бычки на землю и исчезли внутри.

Скотт припарковался сбоку от дверей.

– Я сбегая через пару кварталов, мне нужен банкомат, – сказал он, заглушая двигатель.

Я изучала табличку, висевшую над окном фасада. Бильярдная «Z». Название вызывало у меня какие-то смутные ассоциации...

– Почему это название кажется мне знакомым, хотя я никогда здесь не бывала? – спросила я.

– Пару недель назад здесь парень истек кровью прямо на одном из столов. Пьяная драка. Об этом во всех новостях говорили.

– Я пойду с тобой, – быстро предложила я.

Скотт вылез из машины, я – за ним.

– Неа, – ему с трудом удалось перекричать шум дождя. – Ты насквозь промокнешь! Иди внутрь. А я вернусь через десять минут.

[Купить полную версию книги](#)